

Несвоевременный человек. Книга вторая. Вера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сотников Игорь

18+

Игорь Сотников
Несвоевременный человек.
Книга вторая. Вера

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44905460
SelfPub; 2023*

Аннотация

Бывает так – стоишь и никого не трогаешь, а это, как оказывается, как раз таким невмешательством кого-то трогает и волнует. И не успевает наш герой сообразить, что вообще происходит, и в частности с ним, как всё так закрутилось, что у него уже и нет другого выбора, как сделать свой выбор из... А эти «из» одного другого непонятней, как и всё остальное, ожидающее его. И выбор делается, а вот каким он будет, то разве это узнаешь, пока не сделаешь. Содержит нецензурную брань.

Игорь Сотников

Несвоевременный человек.

Книга вторая. Вера

Глава 1

Плоды

В помещении красоты неопишуемой (во дворцах всегда так, даже если это дворец для бракосочетаний, самая представительная его часть, где заключаются браки, а по заверениям работников этого агентства, то здесь они только юридически закрепляют последствия вашего выбора, ведь браки всё-таки заключаются на небесах), где из мебели был всего лишь один стол в стиле ампир с парой стульев за ним и ещё сбоку от него стоял небольшой журнальный столик, на котором расположились ваза с фруктами, бутылка шампанского и пара бокалов, за имеющим центральное значение столом, на приставленных к нему стульях разместились две молодые особы необычайной привлекательности, отчасти благодаря природе, а отчасти от того, что они знали толк в красоте и умели её в себе концентрированно выделить и на все сто использовать.

И сидят эти две молодые особы необычайной привлека-

тельности не так уж и без дела, а перед одной из них, той, что в белом платье на ней и с ярко рыжими волосами на голове, которую ещё зовут Валерия, стоит блюдо с апельсином на нём, и она под внимательным наблюдением со стороны своей подруги, конечно, не так по праздничному одетой, но всё же не без своих изысков, с именем Марго, своими острыми ноготками разделяет на части этот оранжевый плод. И так это у неё захватывающе дух получается, – она с применением своего ручного, до чего же острого инструмента, ноготков, как скальпелем срезает шкурку апельсина, оголяя тем самым его внутренность, – что Марго и глаз отвести не может от происходящего с апельсином.

И вот когда апельсин освободился от своей одежды, а сам он как цветок лотоса, раскрылся перед ними всеми своими лепестками в виде долек, Валерия отрывает один лепесток этого цветка и протягивает его Марго.

– Вот попробуй. – Говорит Валерия. Марго смотрит на протянутую ей дольку апельсина, затем на Валерию и, вновь вернувшись к дольке апельсина, берёт её. После чего она эффектно снимает её ртом с руки и начинает её распробовать – как она это делает, то ли раскусывает её, то ли вначале все соки выжимает, а затем всё остальное, доподлинно неизвестно и остаётся только домысливать.

– Ну, что скажешь? – спрашивает Марго Валерия. Марго проглатывает остатки апельсина и говорит. – Вкусно.

– А что это вкусно значит? – спрашивает Валерия.

– То, что природа подсказывает, что плод созрел. – Следует ответ Марго.

– А по сути, это значит, что пришло его время. – Сказала Валерия.

– Пожалуй. – Согласилась Марго.

– И выходит, что вкус, цвет и всё другое соответствие зрелости плода, есть значение времени, в основе которого лежит рациональность природы. – Сказала Валерия.

– Наверное. – Неопределённо согласилась Марго.

– Так и с человеком, – взяв дольку апельсина с блюда, сказала Валерия, – только его характеристики зрелости определяются несколько иначе. А вот умение их распознавать, открывает широкие возможности для ...скажем так, большей конструктивности диалога с ним. – Не трудно было догадаться, в чью сторону был направлен этот посыл Валерии. Ну а Марго не только было не трудно догадаться, а она чуть ли с полуслова понимала Валерию.

Между тем Валерия возвращает на место взятую дольку апельсина и берёт лежащий на другом блюде ещё неочищенный апельсин, с которым она так же умело разделяется, как и с первым апельсином, после чего из него вынимается одна из долек и протягивается Марго. На этот раз Марго не спешит взять протянутую дольку, а вопросительно смотрит на Валерию.

– Вначале попробуй. – Ничего не объясняя, говорит Валерия. И Марго уже с долей опаски, осторожно берёт эту доль-

ку апельсина и теперь не сразу её всю в рот кладёт, а самый краешек откусывает и ждёт, что же дальше будет. И это будет, буквально немедленно происходит, как только вкусовые рецепторы Марго распознали, что это Марго там вкусила. А вкусила она на этот раз такую кислятину, что не покривить лицом в ответ, значит покривить душой. И Марго от этой вкушенной кислоты и сама лицом становится кислой, так что о том, чтобы дальше откусывать от этой дольки апельсина и речи быть не может. Да что там речи быть не может, а Марго эту дольку в руках держать не может, ей кажется, что её пальцы рук начинают пропитываться этой его кислотой и окисляются. И Марго немедленно избавляется от этой надкусанной лишь с краю дольки апельсина, бросив её на блюдце.

– И что это сейчас было? – с недовольной гримасой лица обратилась с вопросом к Валерии.

– Это обратная сторона зрелости, не зрелось. – Хладнокровно ответила Валерия.

– Я это уже поняла. Но зачем нужно было мне давать его пробовать? – со всё тем же недовольством и чуть ли не раздражением спросила Валерию Марго.

– Чтобы ты прочувствовала контраст и как это кисло. А то ты уже и забыла, что это такое и как это на вкус. – Сказала Валерия. И судя по всему, а именно по успокоившемуся и выгладившемуся лицу Марго, Валерия нашла для неё убедительные слова.

– Ну а для чего мне это сейчас нужно? – спросила Марго.

– Для большей вовлеченности в ожидающее нас действие под названием скрепление уз брака. – Сказала Валерия. После чего она поднимается из-за стола, подходит к столику с фруктами и шампанским, берёт оттуда пустую тарелку и возвращается с ней обратно. Здесь она отламывает от спелого и от недозрелого апельсина по дольке и кладёт их на эту тарелку. После чего смотрит на Марго и говорит:

– С виду и не отличишь.

Марго согласно кивает и ждёт, что дальше будет. А дальше ничего особенного не происходит. Валерия возвращает эту тарелку назад, на столик с шампанским. После чего она возвращается за стол и начинает его приводить в готовность для встречи гостей. Для чего много и не нужно сделать, а нужно лишь убрать блюда и разделанные апельсины в пакет. Когда же Валерия с этим делом справилась, а затем привела себя в должный порядок, – для этого всего-то нужно, что в телефонное зеркало посмотреться и сдунуть со лба сползшую на него чёлку, а так в ней всё обворожительно и прекрасно, – то она смотрит на свои ручные часы и пока ещё есть несколько минут до начала чьего-то торжества, задаёт Марго вопрос. – Знаешь, почему в этом итоговом для чьей-то судьбы помещении нет зеркала?

Ну а Марго сразу и не заметила, что здесь нет зеркала, и только сейчас, когда к ней с вопросом обратилась Валерия, она окинула взглядом торжественный зал для бракосочетания и, не обнаружив зеркал, дала свой ответ. – И даже не

догадываюсь.

– А чтобы у людей брачующихся, у тех из них, кому этот шаг дался с величайшим трудом, при виде своего отражения в зеркало, откуда на него непременно посмотрит полный смятения и сомнений, последние свои секунды свободный человек, который постарается его непременно переубедить в этом его шаге, не смог бы заручиться от него поддержкой и дать заднюю. «Ты ведь ещё так молод, да и сам знаешь, что нагуляться ещё не успел, так что на кой тебе эта спешка, тем более это всё идёт наперекор твоим взглядам на себя. И если ты в чём-то и основателен, так только в своём разгильдяйстве и распутном поведении, ведь сам же глаз своих не сводишь, не как полагается с невесты, а со свидетельницы даже не твоей невесты, а твоего распутства», – с каждым взглядом на себя в зеркало, где рядом нет никого и нельзя просмотреть, несмотря на наличие окружающих, будет убеждать себя жених. Пока так не убедит, что и не заметит, как уже стоит у входа в бар, где его ждёт прежняя, полная одних только прав и никаких обязательств жизнь. – Со знанием дела, с умением расставить свои акценты и художественно подчеркнуть то, что нужно подчеркнуть, – а в этом во всём талантливая Валерия не имела равных, – сказала Валерия, раскладывая на столе всё необходимое для предстоящего события.

– Я бы на месте неуверенных женихов, да и их невест, не зеркал бы опасалась, а вот таких как ты регистраторш их отношений. – Заявила Марго. – Я правильно понимаю, – с

хитринкой в глазу посмотрев на Марго, спросила её Валерия, – такую, ради которой можно всё бросить и не испытывать угрызений за то, что все свои привязанности оставил в прошлом, и посвятил всё своё будущее моему поклонению.

– Что-то вроде того. – В восхищении перед умением Валерии делать из всего верные выводы и облачать их эпическую обёртку из фраз, сказала Марго, покачивая головой.

Ну а у Валерии на этот счёт, то есть на изначальный посыл Марго, в некотором роде другое мнение. – Ничего подобного, а даже всё наоборот. Я можно сказать, последнее препятствие на пути жениха к своему счастью, пройдя которое он может с уверенностью сказать, что этот его последний шаг был всё-таки обдуманным. Где я по-особому укрепляю его уверенность в правильности этого шага. – И только Валерия это сказала, как дверь в зал приоткрывается и в приоткрывшуюся дверь влезает чей-то юркий нос, которой спрашивает Валерию. – Валерия Игоревна, вы готовы? – Что вызывает у Валерии, как оказывается, в этих стенах зовущейся Игоревной, свой ответный иронизм. – Главное, чтобы брачующиеся были готовы и не передумали.

И её ответ понимается, как сигнал к началу церемонии бракосочетания, после чего юркий носик скрывается за дверью, а Марго по рекомендации занявшей своё центральное место за столом Валерии, отходит к боковой стенке, чтобы не мешаться. Далее следует своя минута затишья, во время которой все взгляды находящихся в зале людей направлены

на входную дверь. При этом Валерия не удержалась от реплики: «Не знаю почему, но каждый раз волнуюсь, вот так в ожидании стоя». На что со стороны чуть побледневшей Марго, последовал одобрителный кивок – она неожиданно для себя почувствовала, что у неё сердце в своём волнительном сердцебиении слегка начало забегать вперёд.

Но вот двери начали приоткрываться, и в тот же момент зазвучала музыка, которая по версии первых устроителей этих мероприятий, должна настроить брачующихся на нужный лад. И если насчёт того, что сейчас думают и видят перед собой идущие по красной дорожке к своему будущему счастью молодожёны, совсем не трудно догадаться, даже если ты не разу по этой красной дорожке не ходил, но часто о ней, и как и с кем по ней пройти думал, – ни о чём они сейчас не думают и ничего они сейчас перед собой не видят, для них всё как в тумане, – то вот у встречающих их в этом торжественном зале людей, Валерии и Марго, определённо имелись свои мысли на их незнакомый счёт.

И если Валерия, как человек прежде всего облачённый своими служебными обязанностями и полномочиями, а уж затем всё остальное, имеющее не меньшие, чем у всех остальных права пройти по этой красной дорожке до итогового своего счастья, смотрела на них с позиции профессионала, – она иногда с лёгким сердцем, а нередко с тяжёлым, могла с вероятностью к близкой осуществимости, с прогнозировать будущее той или иной пары, – то Марго в своих

взглядах на приближающую пару, не могла отстраниться от своей субъективности взглядов. Где она смотрела на пару в призме своего эгоистического я.

Впрочем, здесь нет ничего удивительного, и вообще, когда люди соединяются в пары, то это всегда вызывает куда как более повышенный интерес у людей, нежели в том случае, если бы их пришлось рассматривать по отдельности. И причиной этому служит не только ваша искренняя любознательность и любопытство, а хотя бы то, что любая пара или союз, как кому больше нравится и хочется себя называть, есть некое практическое пособие на будущее для людей пока что только представляющих одинокий интерес, но всеми своими сердечными силами так и старающихся вызвать больший интерес у других людей. Где на этом парном примере можно многое для себя подчеркнуть и уверить себя в частности в том, что раз этот урод был кем-то замечен и принят не за урод (а он, тем не менее, да как минимум в ваших глазах, тот ещё урод), то и у тебя есть шанс не остаться в стороне от будущего – любая пара собой олицетворяет будущее, а будущее всегда притягательно и волнует живущих в настоящем людей (кто живёт в будущем, то их плюс ко всему интересует и прошлое, то есть тоже самое настоящее, что волнует и нынешнего современника).

И тут все эти люди сторонние и крайне интересующиеся своим будущим, которое на данный момент ещё не устроено и находится в стадии планирования, ради всего этого, сами

за собой того не замечая, ведут себя так заинтересованно по отношению ко всем этим парочкам, которые им видятся в качестве рабочей модели (симулятора) для своих будущих отношений. И тут бесспорным лидером среди всех вопросов, возникших при виде той или иной пары, является заданный в порыве недоумения вопрос: «Что она в нём или в ней нашла?». После чего человек, крайне удивлённый всему тому, что послужило возникновению этого вопроса, приступает к более внимательному изучению представшей на его обозрение пары, по его мнению, совсем друг другу не подходящей. И если по внешним признакам этой странной в ваших, да и других глазах пары, вы только одно и можете определить – они друг другу не пара, – то тогда вы на этом не успокаиваетесь и идёте дальше и, заглянув в знающие тайники своей души и памяти, отыскиваете там ответы на эти вопросы, и вам становится всё за неё, такую небесно-прекрасную, и за этого толстобрюхого старикана ясно.

Но такие выверты судеб людей, где обе стороны, несмотря на свою стартовую разницу в этом забеге, сходны в одном, они спешат, и каждый по-своему пытается обмануть время, но в итоге всё равно все приходят к одному результату – потере (времени, себя, совести...), представляют только информативного характера интерес, тогда как более любопытно и познавательно наблюдать за играми природы, со склонениями к чувственности людей по своим природным факторам, а не идущим искусственным, придуманным людьми пу-

тём. И иногда только диву даёшься, на что только не умудряется в своей фантазии природа, для того чтобы укрепить родовитость того или иного рода. Отчего даже возникают свои сомнения в разумности самой природы, которая вами всегда считалась до жестокости рациональной.

Но вот когда вы увидели, какой она дала шанс этому от горшка два вершка и прыжка сморчку, – и всё равно он не допрыгнет до плеча своей, а верней его избранницы, – то как-то даже стало завидно по отношению к этому мелкому обормону, которого при всей его незаметности вдруг заметили, и не какая-нибудь в его уровень пигалица, что было бы объяснимо (они находятся на одном уровне глаз и поэтому замечаемы друг другом), а что ни на есть под ваш высокий уровень качества первостатейность, которая оценила его и в итоге посчитала, что это лучший из всех вариантов вариант для своего будущего. А вы значит, весь такой из себя высокий и под самый верх набитый всевозможными достоинствами, не мешайтесь, и по стойте в сторонке и не просто недооцененный, а тьфу на вас, переросток. И что после этого спрашивается, вам делать и как поступать? Неужели поубавить свою высокомерность и посмотреть себе под ноги, откуда на вас не отрываясь взглядом, смотрит с росточком с букашку, пигалица с огромными глазами.

– Право не знаю, что ты оттуда можешь во мне увидеть, кроме моего волевого подбородка. – В задумчивости проговаривает этот высотный человек, глядя сверху на эту внима-

ющую каждому его слову пигалицу.

– Но ты же меня увидел, а это уже что-то да значит. – Из своего далека звучит голос пигалицы, и поднебесный великан начинает там, у себя в небесах, грозиться подумать над её интересными словами.

А ведь сам ваш сделанный выбор, есть по своей сути подытоженный результат общего вашего я, со своим мировоззрением, которому для полной самодостаточности только и не хватает той самой своей половинки, с которой по мифическим соображениям Платона, вас разделили в своё доисторическое время. Вот люди и смотрят на сделанный кем-то выбор и по нему читают, что на самом деле есть ты.

И примерно с подобным интересом, через приму собственнического я, Марго и встретила своим взглядом, размеренным шагом следующую по красной дорожке в зал новоиспечённую пару. Где она перво-наперво оценила невесту, чьё свадебное платье всё за её счёт и неё сказало, – а внешность дело иногда поправимое, а иногда, как например, сейчас, скорей безнадёжное, по мнению Марго. И за такие её невыносимые для слуха жениха, да и самой невесты рассуждения, в которых так и сквозит её субъективизм и отчасти зависть, Марго не нужно слишком осуждать. Ведь всё-таки не она сейчас находится на месте невесты и счастлива, а это не может не задевать и портить так пакостно её настроение, плюс к этому, среди претенденток на счастье всегда такая огромная конкуренция, и в Марго уже от природы заложен

взгляд скептицизма на девушек, где каждая в отдельности, для неё в первую очередь соперница и конкурентка.

Так что в том, что Марго так за невестой всё заметила, да и за другими замечает, нет особого зла с её стороны, а это всего лишь констатация ею факта того, что в этом деле она не потерпит конкуренции и если надо будет, то забудет о всякой женской солидарности и всю правду о неподобающем, а подчас развратном поведении невесты в лицо жениху выложит.

Когда же взгляд Марго, всё, всё о невесте понял и с ней разобрался, то он был перенаправлен на жениха. Правда, не вот так сразу, а постепенно, начиная от месторасположения его рук, где одна была прихвачена рукой невесты, – а оттого как этот прихват был сделан, можно было строить свои логические цепочки их взаимоотношений, – а вторая по своей сути была свободна, но с другой стороны она не чувствовала себя свободной и в напряжении двигалась вслед за деревянными передвижениями молодого, как и невеста жениха.

– Рано вылупившийся. – Сделала первый, с долей горчеливости вывод насчёт жениха Марго, о чьём возрасте даже она сама перед собой не спешила распространяться, и вот это-то её больше всего и огорчало. Ведь когда о твоём возрасте не совсем уместно распространяться, то это совсем не тот возраст, который тебе хотелось бы иметь и распространяться. И уж лучше не заикайтесь со своим, прямо намекающим на твой перезрелый возраст замечанием: «Тебе столько лет, насколько ты выглядишь», – Марго не настолько без-

надёжно не молода, чтобы себя так по чьему-то слабоумию утешать.

Дальше со стороны Марго следует сравнительный анализ каждой из половинок этой пары, который заканчивается неутешительным выводом для обеих сторон этого, и не пойми вот так с первого взгляда, на чём основанного союза. Ведь сразу же видно, насколько они разные и неподходящие друг другу люди. Невеста вся такая из себя в белом и явно несмышленная, раз пошла за такого мало что из себя представляющего типа. А жених не просто мало что из себя представляет, а такие как он, Марго отлично знает, что из себя представляют. И к тому же он полная противоположность невесте и однозначно сам себе на уме – вон как смотрит на всех исподлюбья и определённо ведёт всему счёт.

И не надо больших знаний по психологии, как у Марго, чтобы догадаться, как он себя сегодня вечером после сегодняшнего празднества поведёт, где он и к шампанскому не притронется, а будет лишь вести пристальное наблюдение за гостями – он обстоятельно отодвинет свою невесту в сторону от подарков и главное от конвертов с деньгами, и объяснив ей: «Я дорогая, как и обещал, все заботы о твоём благополучии беру на себя», – начнёт свой подсчёт. Который его естественно не удовлетворит, и он, подведя свой итог сакраментальной фразой: «Я так и знал, одно жлобьё», – задумчиво посмотрит на свою уже жену и придёт для себя к ещё одному неутешительному выводу – он, как оказывается, проявил

бескорыстие и женился по любви. И это притом, что его новоиспечённые родственники со стороны супруги, особенно её невыносимый папаша, имели на его счёт совсем другое, особенного мнение.

– Этому прохиндею, и я по его глазам вижу, – никого не стесняясь, в том числе и самого жениха, тут же на кухне у них в доме находящегося, принялся за свои обычные критические замечания будущий тесть жениха, где он на этот раз дошёл до того, что схватил жениха за отворот рубашки и, подтянув его к себе, прямиком заглянул ему в лицо и душу, затем хорошо, что только в сердцах сплюнул и сделал свой вывод, – большому подлецу и негодяю, только одно от тебя нужно!

– Но папа! – зарделась в краске будущая невеста.

– Твои глаза затмевает твоё влюблённое легкомыслие, и ты слишком оптимистично смотришь на него. – Ничего не может поделать тесть со своей такой наивной дочерью, и он вынужден отпустить, начавшего было задыхаться жениха, что было принято невестой за его любовную лихорадку, а его покраснение за стыдливость. Правда не до конца, а тесть держа жениха на коротком поводке, на его галстук, объясняет ему его будущие жизненные перспективы. – Ты рано не радуйся. Думаешь, сумел охмурить мою дочь, то твоё будущее обеспечено. Ничего подобного. И в этом ты скоро убедишься.

– Вот и убедился. – Заскрипел зубами жених, крайне удив-

лённый происходящему с ним – он вроде бы логическим путём пришёл к выводу, что женился по любви, но при этом он что-то ничего в себе такого не чувствует, а в душе стоит одна только досада. – Прямо когнитивный диссонанс какой-то. – Восклицает жених. Ну а невеста, прижавшись к его плечу, ещё больше счастлива – ведь её жених такой умный, вон какие заумные слова знает.

Между тем в торжественном зале всё идёт своим чередом, и как только все гости заняли полагающиеся им места, то за своё дело взялась Валерия и начала зачитывать приветственное для новобрачных предваряющее главное событие слово. – В этом деле главное не слова, а сделанные мною акценты и расстановка интонационных запятых. – Объясняла хитрости своей профессии Марго Валерия. – А уж если для новобрачных это обдуманый шаг (это не самая обычная обдуманность, а в ней присутствует доля чувственного разуме-ния), то они уж разберутся и как надо поймут обращённые к ним слова.

– Дорогие жених и невеста! – обратилась к новобрачным Валерия. – А в этой вроде как самой обычной фразе, уже столько вопросов изначально заключено. – Марго вспомнился разбор этой приветственной речи Валерией. – В чём заключается их ценность, почему жених упоминается первым, а не невеста, и не является ли это скрытым указанием на то, кто будет на первых ролях в этой новой ячейке общества.

– Ну, ты уж и придумашь. – Усмехнулась тогда Марго. А

вот Валерии и тогда и сейчас было не до смеха, и она во все свои большие глаза смотрит на новобрачных и всё, всё, за ними замечает. — Что-то слишком мало в ваших глазах пелены затуманенности, свойственный людям взволнованным, и уж больно ясен ваш взор на меня. — С претензией смотрит на новобрачных Валерия, с одного взгляда на них поняв, чем они руководствовались, придя сюда, — их шаг был слишком обдуманным, а я этого не люблю, как и они друг друга.

Между тем дело дошло до подписания своих клятвенных заверений брачующимися, а затем до поздравлений друг друга, где вдруг появилась носительница своего юркого носика, в чьих руках оказался разнос с бокалами наполненными шампанским, а когда бокалы переместились в руки гостей, то этот юркий носик, который к тому же обладает завидным умением проникать в самые недоступные места, оказывается в ближайшей близости от новоиспечённых супругов, а не как ещё пять минут назад претендентов на это звание, и протягивает им под глоток шампанского блюдо с голубой каёмочкой с дольками апельсина на нём. А с этого момента Марго очень внимательна к ним, как и Валерия, с кем она быстро перекинулась красноречивым взглядом.

Там же, на том месте, где друг за друга радуются супруги, пока ещё образно невеста, когда перед ней оказалось это блюдо с дольками апельсина на нём, сделала ещё один глоток из бокала и, без лишних вопросов: «Почему не шоколадка?», — не глядя прихватив с блюда дольку апельсина, заки-

нула её в рот и пошла дальше поздравляться. Ну а её новоиспечённый супруг повёл себя не так безрассудно, и он при виде протянутого к нему блюда, вначале выразил на своём лице сомнение насчёт такого скромного и несколько странного предложения, но решив, что отказываться не в его характере, взял дольку апельсина и так сказать, вкусил свой плод от дерева познания (так охарактеризовала увиденное Марго, к тому же в первоисточнике не указано какими плодами плодоносило это дерево).

Ну а дальнейшие действия новоиспечённого супруга прямо-таки указывают на верность догадок Марго на его счёт – он точно вкусил от дерева познания, так искривилось его выражение лица, с которым он, покосившись в прищуре, посмотрел в сторону своей супруги. – Я мол, только теперь всё явственно вижу, обладателем какого счастья я стал. Вот спасибо, тесть, что не сразу мне глаза на него открыл. – Вглядываясь в свою такую всю развесёлую и счастливую супругу, рассудил бывший жених, а сейчас супруг, вдруг за собой заметив, что он стал замечать за своей супругой все до единой мелочи, например то, как она не аккуратно откусила шоколадку и испачкала губы. И при этом это так раздражает его, что он не смотреть на это никак не может (и, кстати, где она взяла шоколадку?). И ему хочется немедленно исправить эту непростительную в его глазах оплошность. И не как-нибудь по-тихому, подойдя к ней в плотную, и платком вытерев, а заорав на весь зал на неё: «Ты чё дура, меня позоришь, по-

смотри на себя, вся измазалась в шоколаде!».

Что, естественно, не понравится тестю, – хотя с этого момент жених уже в своём праве, он теперь её супруг, – и он даже не учтёт правоту слов своего зятя, а резко сократив между собой и им расстояние, можно сказать, исподтишка, – а как ещё назвать это его нападение без предупреждения, – с одного удара в нос подкосит жизненную позицию своего зятя. Ну а дальше всё до боли в чьих-то зубах предсказуемо. И если у кого-то не изменяет память, то никто не давал права тестю, несмотря на его существенный вклад в застолье, влезать со своим мнением в разрешение чужих семейных споров и портить всем настроение. И если супруг счёл нужным сделать своей супруге вслух замечание, – а она, между прочим, представительное лицо их семьи, – то это его несомненное право. И вмешательство в их суверенные дела недопустимы кем бы ты ни был.

Ну а так как тесть всего этого не понимает, то до его сведения это начинают доводить кулаками и всем чем под руки попадётся – а так как в этом зале предусмотрительно нет мебели, то под руки, как правило, попадают другие физические лица и чьи-то голосистые в истерике причёски, за которые в этом беспорядочном водовороте мыслей и тел, хватаются люди облечённые сознанием своей правоты, которую они хотят втемашить людям не правым, которых тоже немало и оттого противостояние начинает затягиваться. И так до прибытия соответствующих органов, которые и выводят эту

рано обрадовавшуюся компанию дальше праздновать.

Когда же новобрачные и их сопровождающие лица покинули зал, и при этом не так, как за них мысленно надумала Марго, послав этой процессии многозначительную фразу на дорожку: «И даром не надо!», – то Марго выходит из состояния вовлечённой задумчивости, и, наконец, замечает внимающую ей Валерию. – О чём задумалась, а может и замечталась? – улыбнувшись, спрашивает Марго Валерия.

Марго же не сразу ей отвечает, а она окидывает зал взглядом, после чего возвращается к Валерии и говорит. – Мне нужен апельсин. – Валерия, в ответ покосившись на неё, пока только смотрит, после чего сообразив для себя что-то, выдвигает ящик стола и вынимает оттуда спрятанный пакет. Откуда в свою очередь вынимаются два апельсина. – Тебе какой? – спрашивает Валерия.

– А разве не ясно? – переспрашивает Марго.

– Я же не знаю, что ты задумала. Так что не ясно. – Сказала Валерия.

– Мне нужен горький. – Сказала Марго.

– Кто бы сомневался. – Пробубнила себе в нос Валерия, кладя один из апельсинов на стол, а другой убирая обратно в пакет. Марго же подходит к столу, изучающе смотрит на апельсин, как будто в нём можно что-то особенное высмотреть, и только после этого берёт его.

– Только будь внимательней, и не забудь, что в твоём случае природа поступила пристрастно. А это ведёт не к пол-

ной искренности по отношению к тебе. – Сказала Валерию на дорожку Марго.

– Учту. – Крепко держа в руке апельсин, сказала Марго. – Да, кстати, вопрос. Если смерть для тебя сладка, то не значит ли это, что пришёл твой час?

– Это не ко мне вопрос. – Ответила сбитая с толку Валерия.

– Я знаю. – Сказала Марго, направляясь на выход и, бубня себе под нос: «Даром мне такого не надо».

Глава 2

Вывод второй

– Не верование человека, это есть своего рода его подростковый нигилизм, свойственный всякой незрелости с его максимализмом и желанием пересмотреть все прежние устои и установки, на которых стоит мир. И оттого-то он это своё не верование, а вернее, веру в своё безверие, так выпячивает наружу, повсеместно и обязательно прилюдно демонстрирует (ему непременно нужно одобрение, ну и злость сойдёт при обратном эффекте), и везде этим своим отрицанием божественных начал и вызовом основам жизни манкирует. Тогда как в человеке верование, есть одно из его врождённых, так сказать, установленных в нём начал. И вера жизненно необходима человеку, – да хотя бы вера в себя, – ведь на её основе строится вся жизненная конструкция человека. И, наверное, поэтому, его так легко заставить уверовать во что-

либо, даже в самую что ни на есть несусветную бессмыслицу – так велико желание человека во что-нибудь верить. Где для этого многого и не надо, а всего-то нужно знать его чаяния и нужды, которые большим разнообразием и не могут похвастаться. – Сказал представитель тайной организации, Никак, оторвавшись от зрачка оптического прицела и, посмотрев на Устранителя.

– И как бы это когнитивным диссонансом не отдавало, а всего легче заставить человека поверить в безверие и в частности, в отсутствии веры в самого человека. А уж о человеке человек, обязательно судя по себе, всё, всё паскудное знает. И эти его знания, – человек в сущности своей большая скотина, – дай им только благоприятные условия для своего роста, то они не дадут человеку шанса для своего оправдания перед лицом этого другого человека, так много и по себе знающего о человеческой подлости. Так что когда он будет поставлен перед выбором, или я или он, то выбор для него всегда будет очевиден. – Никак переводит свой взгляд на экран телефона, вдумчиво на него смотрит и задаётся риторическим вопросом:

– И как же нам решить этот вопрос выбора? – Никак некоторое время тратит на раздумье и, просветлев в лице, даёт ответ на свой же вопрос. – В таком случае только жребий даёт чувство объективности. Как ты насчёт жребия? – уж больно замысловато улыбается Никак, глядя на Устранителя.

– Я только за. – Следует ответ Устранителя. – И что это

будет за жребий? – спрашивает Устранитель.

– Сейчас увидишь. – Сказал Никак, нажимая на телефонную кнопку вызова. И в тот же момент, в здании напротив, в том самом кабинете, где который уже час находятся в неведении насчёт своего будущего, члены совета директоров одного могущественного финансового конгломерата, а может и всего синдиката, – а это бесконечно их мучает, даже не меньше чем вид этих ненавистных рож напротив, так сказать товарищей по несчастью, которых и так еле терпел из-за необходимости, а тут приходится во всю подвергать себя испытанию нахождения с ними в одном помещении столько времени, – раздаётся телефонный звонок и он вновь по особому оживляет внутреннюю жизнь в этом помещении.

И, наверное, это отчасти хорошо, а то последний час в кабинете установилась такая смертная тоска, – а это один из множества вариантов, и пока не самый плохой, сопутствующих нахождению долгое время в одном помещении людей разной формации (вот когда они начнут по очереди сходить с ума, то тут в пору бить в морду...тьфу в тревогу, то есть в ту же, но другую морду – а это непременно случится при долгой заикленности на себе, а к этому как раз и принуждают взявшие их в заложники люди нелюди), – что прикидывавший господин Талантов мог бы сойти за героя, раз он не побоялся уснуть в такой, насквозь пропитанной злостью и ненавистью друг к другу обстановке – как-то общая беда не сплавляла их, а наоборот, разъединяла. А это оттого, что

они смотрели на всё произошедшее с ними так, как они это привыкли делать, с позиции акционера, в призме своего инвестиционного портфеля. А это значит, что они не разделяли общих взглядов на происходящее, а только принимали их по необходимости, так как другого выхода не было видно.

Ну а этот, так геройски себя ведущий господин Талантов, – типа делает вид, что ему всё ни по чём и если ему захотелось спать, то он будет спать и ничего ему не помешает, – уже не только всех здесь в кабинете раздражает, а его похрапывание уже начинает сводить с ума, где члены совета начинают бросать на Спински свои полные мучения и надежды на избавление от этих мучений взгляды. Чей без толку болтающийся пистолет в руках, мог бы оказать всем здесь собравшимся бесценную помощь.

– Да хотя бы тресни его рукояткой по голове. – Предложил взгляд капитана Вернера.

– И всё-таки подлец этот капитан Вернер, – не могли не подумать другие члены совета, глядя на эти просьбы о помощи в глазах капитана Вернера, – и его уже ничто в этой его грешной жизни не исправит – сидит ближе всех к господину Талантову и сам ничего не предпринимает по отношению к его храпу, а просит об этом господина Спински, который, между прочим, находится на другой стороне стола.

Впрочем, храп Талантова перехватывает эту инициативу откровенной ненависти к капитану Вернеру и после очередного храпного посылы со свистом Талантова, все опять уста-

вились на него и начали в нём узреть всякую человеческую недостойность и пакость. – Да и господин Талантов хорош гусь. – Придавив общим взглядом этого хмыря, по только что установившемуся общему мнению совета, начали выражать свои мысли выразительным взглядом члены совета. – Вот что он спрашивается, хочет нам всем этим своим поведением продемонстрировать? – Как и все задался про себя этим вопросом господин Лопатин, сурово поглаживая свою бороду. Чем вдруг, и главное, неожиданно привлёк к себе внимание со стороны руководителя западного крыла компании, пана Хлебовски. Вдруг увидевшего в этих движениях Лопатина скрытый от всех смысл.

– Теперь-то понятно, почему это он решил отпустить бороду. – В крёстном и само собой универсальном знаменнии, вдруг осенился догадкой пан Хлебовски, заметив, как необычно Лопатин поглаживает свою бороду – он вырвал из неё пару волосков и с приговором в нос, разорвав, выкинул их. – Это не дань патриархальным традициям, как он объяснял свою бородатость, и даже не желание быть на острие моды, как мы все повелись на это разумение, а здесь имеет место дремучее колдовство. С помощью которого этот Лопатин и гребёт барыши лопатой. А как ещё объяснить эту его удачливость, кроме самой удачливости, если он с одним лишь образованием, состоящим из четырёх классов церковно-приходской школы, добился таких впечатляющих успехов в бизнесе. Когда я, интеллектual с двумя высшими и мас-

сой прикладных образований, плетусь в самом конце списка преуспевающих людей, а он занимает самые верхние строчки. Хотя может потому, что он плохо считает? – задался вопросом к себе пан Хлебовски. – Нет, не то, и он однозначно заключил контракт с самим дьяволом, и тот во исполнение своей части контракта, наделил его бороду магической силой. И этим знанием надо непременно воспользоваться. – Подытожил свои взгляды на Лопатина пан Хлебовски, вглядываясь безумным взглядом в бороду Лопатина.

Узнай о чём Лопатин, то он, наверное, и не знал бы, что на это ответить, а потребуй от него пан Хлебовски доказательств не волшебности его бороды: «Только не вздумай загадывать, чтобы я провалился ко всем чертям!», – и при этом с ножницами наперевес, то Лопатин, конечно, подчинится первому требованию обезумевшего пана Хлебовски (видимо он был наиболее слаб на голову, вот и первым тронулся своей головой в сумрак мыслей), а вот насчёт второго, то он по своей строптивой натуре и не станет обещать, а сразу же всех пошлёт ко всем чертям, бросившись с кулаками на этого безумного пана. А вот что из этого выйдет, то пока пан Хлебовски не воплотил в жизнь свои задумки, то об этом рано говорить.

Что же касается господина Лопатина, то он сейчас занят своими мыслями, полными негодования на этого наглеца Талантова. – Он что, хочет показать, как он хладнокровно относится к опасностям, тогда как мы по его храпящему мне-

нию, все поголовно трусы и слюнтяи, раз не можем посмотреть в лицо опасности спящими глазами. – Господин Лопатин, переполненный справедливым негодованием и возмущением на этого лицедея Талантова, в честность которого он никогда не верил и сейчас не верит, упирается в него изучающим взглядом, и бог ты мой, замечает, как у того дёрнулось веко правого глаза – а то, что Лопатин в него со всей силы выдохнул воздух и в сердцах плюнул в него, не считается.

И Лопатин от такого своего открытия подлой сущности Талантова, который, как оказывается, даже и во сне обманщик, – он-то было подумал (ну и что, что в самой глубине своей души), что Талантов ещё не совсем конченный человек, и хоть в этом, его можно было уважить, – уже не может сдержаться и, действуя на рефлекс, к потрясению пана Хлебовски вырывает пару волос из бороды, затем себе в нос проговаривает: «Ах ты, прохиндей!», – и уже было собирается преподать урок этому наглецу Талантову, как в этот момент раздаётся сигнал звонка телефона и на этом и в этом направлении все мыслительные процессы в один момент заканчиваются. И все в один резкий поворотный момент, в тревожном ожидании неизвестного замирают, глядя на телефон. Правда, пан Хлебовски уже догадывается, что послужило причиной этого звонка – оторвавший волос от бороды Лопатин. А вот для чего это ему нужно, то здесь не сложно догадаться, чтобы устранить своих конкурентов и завладеть контрольным пакетом акций компании.

– Быстрее я отращу себе бороду, чем ты меня заставишь продать тебе мой блокирующий пакет акций. – С ненавистью и решительностью, боковым зрением посмотрел на Лопатина пан Хлебовски. И о чёрт, Лопатин, как показалось пану Хлебовски, на одно лишь короткое мгновение, но яростно зыркнул на него. Да так красноречиво, что Хлебовски без труда прочитал это его послание. – Значит, отдашь по собственной воле, клянусь своей дьявольской бородой!

Между тем телефон трезвонит и ждёт, когда найдётся тот смельчак, кто на него ответит. И если в первый раз, когда он отзвонил, ни у кого не возникло вопросов насчёт того, кто должен к нему подойти и взять трубку, то после того, как к телефону вызывали капитана Вернера, возникла некоторая путаница и неопределённость по этому поводу. Которую вот так переглядываясь друг на друга, как это принялись делать капитан Вернер с господином Спински, не решишь. Хотя они сейчас думают иначе, с таким принижающим человеческое достоинство взглядом смотря друг на друга, что даже страшно себе задать вопрос о том, как они после таких взглядов смогут посмотреть друг на друга как-нибудь потом при встрече. Или они не рассчитывают выйти отсюда, как минимум вместе.

И тут капитан Вернер проявляет свойственную ему ловкость. – Господин Спински, – обращается к Спински капитан Вернер, – мне, кажется, что это пока что ваш кабинет, и значит, к телефону подходить ваша обязанность, тем более вы к

нему ближе всех находитесь. – И Спински мог бы в два счёта поставить под сомнение приведённые капитаном Вернером аргументы, – самый главный и вообще неоспоримый аргумент, пистолет, ещё находится у него, – но он действительно ближе всех находится к телефону, на расстоянии вытянутой руки, а с очевидностью не поспоришь, и Спински, глубоко выдохнув, берёт трубку. Откуда немедленно начинают доноситься принижающие достоинство Спински реплики.

– Вам не страшно заставлять меня ждать? – страшным голосом звучит страшный вопрос. И Спински до сглатывания слюны, набежавшей так быстро, что в пору было захлебнуться, до холодного озноба в спине становится страшно – при этом его неожиданно посетила мысль о том, как было глупо злиться на капитана Вернера за то, что он повёл себя столь строптиво. И Спински, в нервном запале забыв, что он разговаривает по телефону, согласно кивает головой. И хорошо, что на той стороне трубки находятся люди догадливые и разумные, и там ещё больше не озлобляются на такой безответный ответ Спински.

– Ладно, мурло, прощаю. – Говорит голос из трубки и в душе Спински всё теплеет. – Да, кстати, отличная идея. – А вот эти слова человека из трубки трудно понять, и совсем неясно, к чему и к кому они относятся. Правда Спински не до того, чтобы в этом разбираться, а если в них нет конкретики, то он о них и вспоминать не будет. А вот как только в его уши потекла конкретика, да такая мало ему понятная

и совсем не объясняемая её говорившим, то Спински опять начал растекаться в растерянности, вслед за собой погружая в мрачные мысли всех находящихся в кабинете людей. Которые при виде такого чувствительного поведения Спински, только напряглись и даже не подбодрили его взглядом сочувствия, – столько нервов, вот и начал сдавать старик, – а как-то неожиданно, вдруг озлобились на капитана Вернер.

– Вот же сволота, – все были вот так едины на его счёт, – лень ему оторвать свою задницу от стула и подойти к телефону. – А вот зачем им всем вдруг захотелось, чтобы к телефону подошёл капитан Вернер, то ответ на это нужно было искать в слишком эмоционально-подавленной реакции Спински на то, что ему говорят в телефон. Это так сказать, их ещё больше угнетает и подавляет. А вот на униженного и подавленного капитана Вернера им было бы не так за себя сочувственно и горестно на себя смотреть – капитан своей потерянностью и раздавленностью сглаживал бы все эти углы мрачных ожиданий от новостей из телефона.

– Позови мне к телефону мурло. – Приказным тоном делает в трубку заявку невидимый собеседник Спински. А Спински сразу и не понимает, что от него хотят, и он даже решается переспросить. – Кого? – осторожно спрашивает Спински.

– Для глухих повторяю, мурло. – Уже более грозным голосом следует ответ. И тут Спински впадает во фрустрацию, не понимая, что ему сейчас делать. К тому же он так и не понял того, что от него требуют – может они проявляют его на

внимательность, ведь они сразу же его так называли. — А вдруг это не так? — охлаждает, а может ещё больше накаляет в себе обстановку Спински, пока в итоге не решается спросить. — Я не совсем понял. Что вы имеете в виду? О ком это вы?

— А это вы сами между собой решите. И для этого, я думаю, вам много времени не понадобится. Пять минут будет достаточно. — На этом вешается трубка с той стороны разговора. И Спински, с лицом подвергающим унынию всех на него смотрящих людей, с растерявшим последние остатки уверенности в себе, в полной растерянности взглядом смотрит ни на кого-то в отдельности, а во всё пространство кабинета. Ну а оттуда на него во все свои глаза требовательно смотрят все кто там был, в том числе и проснувшийся Талантов. — Ну!? Не томи!? — так и вопрошают все эти лица совета, приобретя за это мгновение нездоровый для себя цвет и крайне опасные мысли насчёт этого Спински, который и раньше не отличался особой расторопностью, — да в том же деле выплаты дивидендов, что тогда ему прощалось, — а сейчас это приобрело прямо невыносимый для всех характер, за что и прибить мало.

И тут вновь не выдерживает Лопатин, и он, придерживая себя одной рукой за бороду, а другой собранной в кулак, за стол, на который она упёрлась, с долей нездорового скептицизма по отношению к Спински (в общем, он готов того уже прибить) требовательно задаёт вопрос. — Ну, что они сказали? — На что Спински, явно специально делает наиглупейшее

выражение на своём лице и, с тупым видом уставившись на Лопатина, – как будто в первый раз его видит, и совершенно не понимает, кто это таков, – после небольшой паузы заявляет. – Они требуют позвать к телефону мурло. – И в другой раз эта шутка Спински была бы принята на ура, но сейчас никому из здесь находящихся людей совсем было не до шуток, и отчасти поэтому, Спински был никем не понят, и теперь уже члены совета выглядели до удивления растерянными. С чем они и принялись переглядываться между собой, пытаясь, как они уже не раз и всё бесполезно пробовали делать, найти ответы на свои вопросы на этих, таких же как у них ничего непонимающих лицах.

И опять Лопатин берёт слово. – А ну, повтори. – Жёстко заявляет Лопатин, и Спински слово в слово повторяет. Что на этот раз приводит Лопатина в задумчивое состояние духа и тела, где он с углублённым взглядом упирается в стол. И так он взглядом в стол упёрся, что кажется, что он больше от него не оторвётся. Но тут он вдруг поднимает свою голову, – а в этот момент все вокруг отчего-то не сводят с него своих взглядов, – и с неким прозрением в лице смотрит на пана Хлебовски. И тут всем становится крайне интересно, что же такого высмотрел Лопатин в Хлебовски. И теперь Хлебовски, которого и никто не собирался спрашивать, становится центром притяжения взглядов всех членов совета. Отчего Хлебовски становится не по себе и очень прохладно за себя, и он не выдерживает и в замешательстве нервно вопрошает:

«Что вы на меня все смотрите? Что вы такого увидели?», – и начинает суетливо шарить у себя по карманам руками.

И лучше бы Хлебовски промолчал, а как только он вслух озадачился вопросами, то все эти смотрящие на него люди, наконец, увидели в нём то, что скорей всего, ранее в нём увидел Лопатин. А тут как раз звонок телефона подоспел. И Спински берёт трубку и в ответ на заданный вопрос из трубки говорит: «Сейчас позову», – и, протянув трубку в сторону Хлебовски, говорит. – Это тебя. – Ну а Хлебовски ничего другого не остаётся делать, как подойти к трубке.

– Я слушаю. – Говорит Хлебовски после небольшой паузы, во время которой он пытался прислушаться к стоящей в телефонной трубке тишине.

– Значит, это ты? – после своей особенной паузы, вдруг звучит голос из трубки. И Хлебовски только и остаётся, как согласиться. – Да.

– А ты сам как считаешь? – следует вопрос.

– Про что? – спрашивает Хлебовски.

– Что их выбор остановился на тебе.

– Разве я мог что-то сделать? – оправдывается Хлебовски.

– Выходит, если все так решили, то значит, так оно и есть. – Звучит голос из трубки.

– Выходит. – По инерции уже говорит Хлебовски.

– А как же свобода личности и индивидуальное начало, если в итоге приходится подчиняться общему мнению. – Просто удивлён человек в трубке. На что Хлебовски и не

находит, что ответить. – Ладно, с этим вопросом повременим, – после небольшой паузы говорит незримый собеседник Хлебовски. – А вот ты мне скажи, тебе не кажется, что не выстраданная вера ничего не стоит? – задаёт вопрос собеседник Хлебовски. И от этого вопроса Хлебовски становится уж больно предчувственно тревожно на душе, хотя там и так на месте мало что было. И Хлебовски совершенно не имеет желания отвечать на этот страшный своими перспективами вопрос, но разве у него есть выбор. И когда там, в трубке, так тяжело для его слуха замолчали, – Хлебовски прямо почувствовал, что ему в ухо тяжело вдыхают мрачные мысли о его будущем, если он, конечно, не поторопится с правильным ответом, – он отрывает прилипший к гортани язык и говорит. – Не стоит.

– Ты первый, кто меня за сегодня порадовал. – Звучит голос в трубке, но Хлебовски оттого, что он так сумел угодить своему собеседнику, не легче. Он подозревает, что за этим последует совсем не такая светлая часть разговора. И Хлебовски не ошибся.

– Когда утверждения не основываются на фактах и аргументах, – а в сегодняшнем выборе тебя в качестве...а не важно в каком качестве, ничего из этого не прослеживалось, – то значит, они в своём доказательстве упираются только на некие внутренние верования. Которые получи в будущем доказательную базу, становятся законами и правилами, а не получив их, они так и остаются верованиями. А

ложными или непреложными, то это для уверовавшего человека совсем не важно. Вот мы и посмотрим сейчас, насколько крепка вера этих людей... Да хотя бы в себя. – Опять в трубке настанёт тяжёлая для Хлебовски тишина, за которой, теперь он уже точно, не догадываясь, знает, что последует нечто страшное.

И вот настанёт это страшное. – А теперь, человек общего уверования на себя, слушай меня внимательно, хотя это лишне, ты ведь итак не пропускаешь мимо ни одного моего слова. – Усмехается голос в трубке. – Тебе даётся карт-бланш на проверку крепости веры этих людей. Выбери из них любого и, опираясь на мои требования, укрепи его веру в себя через страдание. – На последних словах Хлебовски повернулся в сторону Лопатина и с таким жутким взглядом на него посмотрел, что Лопатин в крайне нехорошем предчувствии вжался в кресло, и теперь не сводил своего замороженного взгляда с Хлебовски.

Правда, этими поворотными действиями Хлебовски ещё руководило его подсознание и они не были осмыслены им, но вот когда в трубке прозвучало: «В нижнем ящике стола можешь взять ножницы», – то в Хлебовски прорвалось всё то, что в нём накипело и не имело столько времени выхода, и он уже сознательно, низким голосом проговорив в трубку: «И без них обойдусь», – кладёт на своё место трубку, и теперь полностью повернувшись к Лопатину, всего его целиком поглощает своим умопомрачающим вниманием.

– Вот ещё один уверовал, тогда как все остальные, удостоверившись, потеряли её. – Сделал вывод Никак.

Глава 3

Законотворчество

– Любая периодичность действий, всегда ведёт к своей сопровождающей её последовательности действий лиц вовлечённых в эту периодичность. И этот закон распространяется на любые виды пространств, сфер деятельности и систем взаимоотношений. А уж в нашей замкнутой на консерватизме системе, это прямо-таки непреложное правило. – Как всегда многозначительно и малопонятно для окружающих, из которых и в число которых входили соседи по медицинской палате, а точнее, братья по нездоровому несчастью, умозаключил вслух Антип. Что, естественно, вызвало свою суровую обеспокоенность и лёгкую степень недоумения на лицах его соседей по палате и по койкам. С чем они, а вернее сказать, взявший на себя смелость (кому нечего терять, то тот всегда ведёт себя храбро и отчаянно) говорить от лица всей палаты, Иппа, – и если быть откровенно честным, то лицо у этой палаты не очень, если Иппа выступает от имени неё, – и обратился к нему.

– И что всё это значит? – задаёт свой вопрос Иппа, а по сути, он признаётся в своей неполной жизненной компетенции и осведомлённости. И надо отдать ему должное, он хоть

и находится в тупиковой для себя ситуации, – он ещё верит в чудо на свой счёт, но уже потерял всякую веру в людей в белых халатах, – всё же он не боится прослыть человеком не то чтобы неучёным, а скажем так, недоученным жизнью. А это в этих клинических стенах, где на квадрат местности самая большая плотность грамотеев и непременно с самым, вплоть до духовного, высшим образованием (безграмотность здесь ликвидирована подчистую), чуть ли не приемлемо. И нужна поистине огромная смелость, чтобы признаться в этом.

Антип же в ответ оценивающе покосился на Иппу, затем окидывает взглядом палату и многообещающе говорит. – Скоро узнаете. – И такой его ответ никого не устраивает, всем как минимум, хочется знать, сколько продлится это скоро. А вот спросить его об этом никто не решается, разве что тот же Иппа, не промолчит и спросит. И он бы спросил, если бы дверь в палату не открылась, и на пороге палаты не появился заведующий отделением с обходом.

И только дверь открылась, а вслед за ней появился заведующий отделением, как Антип в опережении захода всего этого обхода, даёт своего рода прогноз. – Дайте два шага заступить за порог заведующему. После чего он основательно остановится на одном месте, озарит своим вниманием свою обездоленную без его участливого внимания и не имеющую ни единого шанса на своё спасение паству, и хлопнув в ладоши, со словами: «Ну-с, с кого начнём?!», – как всегда соберётся направиться к самому тяжёлому случаю, но увидев

меня, сойдёт с мысли и курса, и в первую очередь навесит меня. — Сказал Антип и, как бы бросая вызов вошедшему заведующему отделением, сложил на груди руки крест-накрест.

Ну а его соседи по палате и в частности Иппа, сперва значит, ответили на заданный ранее Иппой вопрос, — Антип этим своим мудрствованием предварял приход заведующего отделением (это была периодичность действий), а его дальнейшие поступки по приходу сюда, отвечали второй части выведенного им правила (последовательность вовлечённых в действие людей), — а затем, как только Антип озвучил этот свой страшный прогноз, — всех взволновала та часть его прогноза, которая касалась самого тяжёлого случая, — то все принялись с придыханием вести наблюдение за заведующим отделением.

И теперь каждое его движение, особенно глаз, находится под перекрёстным огнём изучающих взглядов постояльцев этой палаты. Где для каждого из них, свой больной случай, конечно, самый больной и тяжёлый, и требует к себе особенного внимания, но с другой стороны, им совсем не хочется, чтобы их случай так выглядел в глазах заведующего отделением. Ведь тогда шанс на то, что твой случай будет признан лёгким и больше не требующим столь особенного к себе внимания, которого можно добиться только при стационарном твоём нахождении здесь, в этих стерильных палатах, стремится к нулю.

Ну а заведующий отделением, как будто чувствует, как учащённо забились сердца в грудных клетках пациентов палаты, и повысилось их внутреннее давление, – а это допустимо только в одном случае, если жажда жизни начала покидать тщедушного и слишком пессимистично смотрящего на своё будущее пациента, – и хотя ему осознавать всё это посвоему приятно, – так можно и возгордиться, я мол, с одного своего взгляда повышаю температуру в теле пациента и в помещении его помещения (а это огромные перспективы для автономного обогрева клиники), – он всё же сдерживается от своих пристальных взглядов и не слишком себе позволяет разбрасываться ими (перед его глазами стоит не слишком здоровая статистика выздоровления в его отделении).

И поэтому он очень быстро, практически не задерживаясь ни на ком, пробегается по лицам пациентов палаты (как ему всё-таки приходится сложно, когда он с обходом приходит в женскую палату, где на него смотрят такими(!) глазами в ожидании от него чуда, что нужно быть поистине святым, чтобы не использовать своё служебное положение и не заглянуть в эти глаза, а затем заглядевшись, перед ними пасть в грехе беспомощности) и, зафиксировав у себя в уме, где, кто находится, чтобы не провоцировать больных, как минимум, на тромбоз нервов, а при сложных случаях и на инфаркт Обломова, заведующий отделением, в чьих руках предусмотрительно находится папка с историями болезней, опускает своё взгляд в неё и тем самым добивается для себя некой авто-

номности от внимания к себе со стороны больных. Которым теперь только и остаётся, как следить за подвижками тела и ног заведующего отделением, которые могут им указать на направление будущего его движения.

И как многими в палате предположительно чувствовалось, а больным и болеющим за соседей сердцем, догадывалось уже на основании крепких фактов – прежних обходов, заведующий отделением сделал свой первый шаг по направлению Григория, всё время здесь неимоверно тяжело болеющему и при этом с рецидивами и злостно. И как бы это не прозвучало кощунственно, но что поделать, когда ты в бреду и так сильно жить хочешь, что хватаешься за всякую соломинку и инициативы своего заблуждения, основанного на разного рода предрассудках и суевериях, где ты загадал, что если заведующий отделением на тебя сегодня не на первого взглянет, то у тебя ещё есть шанс выкарабкаться из своей болезни, в общем, часть нездорового в теле, а также в мыслях контингента палаты, была рада тому, что заведующий отделением первым делом направил свой шаг, скажем так, не к ним.

Ну а Григорию и вовсе нечего обижаться, ведь он сам ещё с вечера храбрился своим бесстрашием и даже побился об заклад с новичком, с некоторого времени вдруг решившего оспаривать своим нездоровьем пальму первенства самого тяжёлого пациента у Григория, что он и на этот раз окажется самым тяжёлым пациентом и его вялотекущая серия

из побед на этом поле битвы со смертью, достигнет двухмесячного уровня. И, пожалуй, у Григория были все основания и предпосылки для этого. Начиная от его зашкаливающего все разумные пределы веса, который подыгрывал Григорию в этом негласном соревновании (конечно, это допинг, но разрешённый) и, заканчивая перечислением всего букета болезней, какие в себе нёс Григорий.

И если на одну чашу весов положить труды с перечислением болезней Григория, а на другую поместить ту странную болезнь новичка, с которой он сюда был доставлен – в боку болит (тьфу, да это даже не болезнь, а какой-то симптом симуляции головного мозга), – то результат очевиден. Григорий самый тяжёлый больной палаты номер тринадцать.

Правда почему-то всё это большую радость у Григория не вызывает и, судя по его страдальческому лицу, то он был бы не против того, чтобы сегодня уступить право первенства новичку, чья физиономия хоть и не меньше болезненно выглядит, но по нему прямо чувствуется, что его нисколько не печалит своё отставание от Григория и даже можно сказать, что Григорий со своей борьбой против своей крайне неуступчивой и столь тяжёлой болезни, придаёт ему сил бороться уже со своей болезнью. Хотя на всё это имелись и другие взгляды, как например, у Язвы.

– Григорий тот ещё ловкач. – Одним глазом поглядывая на заведующего отделением, а вторым на Григория, – всё за него давно и сейчас понял Язва, – все деньги поставил на

себя, – на него ставка один к пяти, – вечером всех убедил, как ему здорово чувствуется и тем самым добился того, что ставки на новичка максимально поднялись, а на него упали. А теперь, чтобы сорвать барыши, притворяется, что ему хуже всех, и значит, к нему первому должен подойти заведующий. Меня-то ты не обдуришь, я поставил на тебя.

И вот заведующий отделением сделал свой первый шаг по направлению выигрыша Язвы и буквально к Григорию, как в этот момент, как всегда в этот момент и бывает, он чувствительно наталкивает на присутствие здесь Антипа, который, конечно же, не сводит своего пронзительного взгляда с заведующего отделением – так сердечно кажется заведующему отделением. – А может на этот раз, он специально, чтобы меня обмануть, на меня не смотрит? – и в который уже, сейчас и не вспомнишь раз, всё та же мысль посещает заведующего отделением, тут же решившего проверить её. И только заведующий отделением отрывает свои глаза от папки с историями болезней, как прямиком натывается на направленный на него, уж очень красноречивый взгляд Антипа.

– Что, не удержался? – с лёгкой иронией усмехается Антип.

– Есть такое дело. – Вынужден согласиться с ним заведующий отделением.

– И всё по той же причине? – риторически спрашивает Антип.

– По ней проклятой. – Чуть ли не пожимает глазами заве-

дующий отделением.

– Ну тогда, что ходить всё вокруг да около, милости прошу ко мне. – Улыбкой кивает Антип, и заведующий отделением делает так многими ожидаемый и в тоже время неожиданный поворот в сторону койки с Антипом. Ну а по подходу заведующего отделением к Антипу, между ними начинается разыгрываться только им известная игра.

– И что вас на этот раз беспокоит? – с уж очень многозначительной (я-то на самом деле знаю, что тебя симулянт беспокоит, и слушаю вас только по одной причине – вы своим нахождением здесь скрашиваете унылую жизнь в отделении) улыбкой окинув взглядом Антипа, спрашивает его заведующий отделением. Ну а Антип в таком деле, как его собственное здоровье, всегда серьёзен, и ему не до шуточек, которые себе позволяет заведующий отделением со своим, с подколкой вопросом. И если бы не его полная зависимость от этого деспота и тирана в белом халате, – это они только с виду такие все белые и пушистые, а стоит вам оказаться с ними в процедурной один на один, то они предстанут перед вами во всей своей беспощадной красе с каким-нибудь страшно стерильным инструментом в руках, – то Антип давно бы сказал всё что он думает о не демократическом режиме, который установила здесь диктатура людей в белых халатах (чуть ли не на подобии режима чёрных полковников).

И Антип делает задумчивое лицо, чтобы слегка напрячь заведующего отделением, – пусть не думает, что все здесь

смириться со своей участью и не готовы отстаивать свою свободу перед лицом его настоятельных рекомендаций, – и начинает рассудительно говорить. – Доктор, меня мучают сомнения, и в следствии них возникшие вопросы.

– Так поделитесь с ними, будьте так любезны. – Заведующий отделением не простой противник и он, мигом с ориентировавшись, подключается в игру, которую хочет с ним сыграть Антип, по своим убеждениям и взглядам на лечение, анархист, неисправимый никакого рода лечением, включая самые радикальные.

– Доктор, меня несколько не удивляет, и я отлично понимаю, почему именно здесь на один квадратный метр пространства самая большая плотность людей верующих. У них появляется время для раздумья над смыслом своего бытия, – до этого всё как-то было некогда, – и крайняя близость с самого рождения ожидаемому итоговому событию, таким образом, мобилизует их думать. И вот в связи с этим у меня возник вопрос. Неужели близость, а это по своей физической сути есть единица измерения, то же расстояние, и определяет веру, эту духовную субстанцию? – задался вопросом Антип.

– А что вас в этом удивляет? – заведующий отделением со своей стороны озадачен непониманием Антипа таких элементарных вещей. – Духовная и материальная категории сущего, имеют одну общую основу, мысленную субстанцию. Что же касается веры, то она по своей сути есть жизненная

сила, которая офизичивает или другими словами, материализует мысль, её субстанционную составляющую, и в результате категорийно определяет человеку его жизнь и её значение для него, выступая жизненным ориентиром для человека на его жизненном пути. Ну а чем продолжительней или что ли затратнее твой путь, то тем больше сил требуется для его преодоления. И оттого-то мы, когда нам становится всё трудней и трудней преодолевать свой жизненный путь, – а всё нарастающая, до непреодолимости трудность пути, всегда почему-то указывает нам на конец пути (это такой обманный психологизм), – всё больше обращаемся за этими силами, которые и даёт нам вера. Так что озвученную тобой близость нужно понимать не так физически буквально. – С удовольствием на лице закончил своё объяснение заведующий отделением.

– Тогда у меня другой, прямо вытекающий из всего вами сказанного вопрос. – Сказал Антип.

– Говори. – Сказал заведующий отделением.

– А вера есть субстанция постоянная или её нужно чем-то подпитывать? Как теми же знаменами, в случае если ты уповаешь на духовное спасение, или же курсами аутотренинга, в случае если ты полагаешься только на себя. А ведь всё это в своей основе имеет информационную составляющую. И тогда получается, что и вера в своей структурной основе имеет эту информационную единицу. – Спросил Антип.

– Вполне вероятно. – Задумчиво ответил заведующий от-

делением. И тут в Антипе в один резкий момент происходят кардинальные перемены, и от его прежней флегматичности не осталось и следа, а теперь перед всеми сидит человек импульсивный и невероятно возмущённый словами заведующего отделением, которому впору уже начать пугаться этого опасного пациента.

– Да разве так можно? – вопрошает чуть ли не небеса, потрясённый Антип. – Разве человеку вашей профессии предстало выражаться такими вероятностными категориями? Ведь в ваших устах это звучит чуть ли не как кощунство. – Антип с каждым своим вопросом вгоняет заведующего отделением в бледность и потерю уверенности своего лица. – Конечно, все мы допускаем, что такой неточной категории мысли могут иметь место в вашей голове, но ведь не вслух же их выражать. И если вы вслух допускаете возможность включения вероятностного сценария в прогноз на конечный результат вашего вмешательства в чужую жизнь, – а это позволительно делать только тем, кому мы безмерно верим, – что однозначно есть проявление вами вашей шаткой позиции, то вслед за вашей не твёрдостью начнёт шататься уже фундамент нашей веры в вас. Ведь вера точная категория мышления, она чётко очерчена своими канонами и не терпит ни малейших отступлений от своего верования. А это ваша вероятностная точка зрения и есть отступление.

– Я...это... – заведующий отделением, явно оказавшийся застанным врасплох Антипом, попытался было оправдаться,

но Антип предусмотрительно его перебил, а то бы заведующий отделением ещё больше на себя лишнего нагородил и окончательно растерял бы веру в себя со стороны ждущих его слова и внимания пациентов. А ему ведь ещё заниматься их излечением, а не только лечением (хотя Антип мог бы так сильно за него не переживать, — здесь, в палате, все в него фанатично верили и их веру даже положительными анализами не сломить).

— Не это, — срезает заведующего отделением Антип, — а то, что врач, как никто другой, должен уметь чувствовать время и его настоящую значимость для людей, где одних оно лечит, а других оно за тот же временной этап убивает. И от умения верно распределять и дозировать время лечения для своих пациентов (а всё остальное рецепты), в конечном счёте и зависит итоговый результат их лечения. И в выверке всех этих временных позиций, можно сказать, и заключается главный принцип работы врача, который всё должен делать своевременно, и ни на мгновение раньше, ни позже. А чтобы добиться этой своевременности, врач должен уметь незамедлительно принимать совсем непростые решения, от которых подчас зависит жизнь и смерть пациента. Что очень непросто сделать и оттого врач должен обладать набором определённых, поставленными перед ним профессиональными задачами навыков, и само собой соответствующим характером. Ведь иногда случается так, что времени на раздумье совершенно нет, а решать нужно прямо сейчас, и приходится по-

лагаться на интуицию, — а это и есть те самые знания веры, — которая знает, что делает и спасает. — Антип остановился, посмотрел на заведующего отделением и его окружение, стоящее с задумчивым видом, — по их виду не трудно было догадаться, что приведённый Антипом пример не выдумка, а и в их практике были такие случаи (были и крайне сложные случаи в новогодние праздники, когда только на свою интуицию и можно было положиться, как говорится, глаза страшатся открыться, а руки сами делают), — затем перевёл дух, и сделал странно для всех прозвучавшую, но не для заведующего отделением, выкладку:

— Но бывает так, что уверенность собою задвигает самоуверенность, свойственная людям, как они говорят, не один десяток, а может и сотню халатов сменивших в этих стенах, и как итог, потеря времени и несвоевременное вмешательство в ход лечения, со своим незапланированным исходом больного в никуда. Что, несмотря на благоприятные для врача выводы комиссии, вылилось в то, что от его былой уверенности не осталось следа. И теперь его при каждом случае терзают сомнения, и он не может принять окончательного решения...— Антип пододвинулся к заведующему отделением и шепотом добавил, — полагаясь только на жребий. — Заведующий отделением, став белым как полотно, одёргивается от Антипа и начинает трясти головой, пытаясь что-то сказать, но у него ничего не получается, кроме разве что, время от времени вырывающегося слова нет.

– Ну да ладно, – перебив этот эмоциональный выступ заведующего отделением, говорит Антип, – со всеми бывает, и этот ваш отступ спишем на вашу человечность. Но всё-таки скажите мне. Если в основе веры заключена информационная составляющая, то как тогда быть с понятием веры, для которой не нужны ни факты, ни аргументы, а иначе это уже будет не вера, а какая-нибудь теорема или закономерность? – спросил Антип. И заведующий отделением после небольшой паузы, которая однозначно пошла ему на пользу, всё-таки заговорил.

– Знания, а мы как я понимаю, о них говорим, знаниям рознь. И упомянутая тобой информационная основа веры, есть всего лишь элементарная частица того строительно-го материала субъективности, на котором строится вся конструкция человеческого мироздания. – Со всей своей убедительностью сказал заведующий отделением, видимо уже окончательно придя в себя.

– Вот значит как. – Сказал, задумавшись Антип. И у заведующего отделением, а также у всех остальных в палате людей, создаётся ощущение, что на этом эта тема закрыта, и сейчас Антип спустится с небес на землю и начнёт жаловаться на свои нездоровые отношения со своим организмом, но видимо они ещё плохо знали Антипа. И Антип выходит из своей задумчивости, переводит свой взгляд на заведующего отделением и пристально в него вглядевшись, начинает говорить. – Тогда я просто обязан отблагодарить вас за то,

что вы мне открыли глаза на столько вещей. И я думаю, что за знания нужно расплачиваться знаниями.

Здесь заведующий отделением привстал на ноги, чтобы уйти и оставить Антипа с неоплаченным долгом, но Антип вновь предупреждает этот его уход от разговора (а ведь он так и не поинтересовался у него о его самочувствии). – Я вас на долго не задержу. Всего одно предложение. – Сказал Антип и, не давая возможности заведующему отделением отмахнуться от него рукой, проговаривает это своё предложение, прозвучавшее как какой-то заговор. – Как только все слова будут сказаны, так придёт время сделать итоговый вывод: этому браку всё.

И только Антип это сказал, как заведующий отделением, на этот раз с помертвевшим лицом, как будто подламывается в ногах и падает обратно на стул, где он до этого сидел. После чего он упирается изучающим взглядом в Антипа, пытаясь в нём что-то для себя высмотреть, и после этого замедления, шепотом тому говорит. – Да ты сам дьявол. Знаешь же, что она попала в аварию и сейчас не может полноценно говорить.

– Язык прикусила что ли. – Чуть не сдержался от искушения это спросить Антип. И с трудом сдержав накатившиеся эмоции, с серьёзным видом заговорил. – А может это бог тебя простил и даёт знаковые подсказки. Мол, ты уже достаточно настрадался и искупил свою вину отступничества от меня, так что можешь обратно вернуться в лоно церкви. Ты же знаешь, что я тебя всегда жду. – Так же тихо ответил Ан-

тип.

– Не ёрничай. – Исказился в злобе заведующий отделением.

– Тогда сам решай, кто же тебя решил укрепить в вере в себя(?). – Сказал Антип, после чего откидывается на подушку и, заложив за голову руки, закрывает глаза. Ну а заведующему отделением ничего другого не остаётся делать, как оставить Антипа, и приступить к настоящему делу, ради которого он сюда и пришёл.

И так как он пошёл в первую очередь не к Григорию и даже не к новичку, а к ближайшей койке, на которой своё место занимал Язва, то это перебило все букмекерские расклады Григория на сегодняшнюю ставку самого тяжёлого больного. Правда, он как раз не остался в накладе, на Язву, несмотря на огромное желание, никто не поставил. При этом от этого подхода заведующего отделением, судя по всему, больше всех был недоволен именно Язва, хотя ближайшую неделю именно ему носить титул самого тяжёлого больного, со всеми полагающимися к этому титулу преференциями – первоочередное обслуживание больничного персонала, сопровождение по своим делам со стороны более крепких больных, разрешение курения без любого рода ограничений, в том числе и замечаний со стороны медицинского персонала, который не будет напоминать ему о вредности курения (он самый тяжёлый больной и ему уже хуже не будет) и т.д. и т.п.

Когда же обход закончился, и дверь за последним врачом

закрылась, то наступило время подведения своих итогов этому обходу. И пациенты палаты под руководством Корнея начали корректировать свои планы на эту неделю. И, исходя из рекомендаций и заключений заведующего отделением, который сегодня был особенно придирчив и язвительно жесток по отношению к ним, эта неделя предстояла быть особенно для всех них насыщенной на процедуры, осмотры с головы до ног, МРТ и другого рода скопии. И что-то суровому на взгляд Корею подсказывает, что за всё это им стоит благодарить Антипа. И он бы немедленно поинтересовался у Антипа, на кой им всем такое счастье, если бы Антип стал дожидаться, когда он решит задаться этим вопросом, а не вышел вон из палаты.

Ну а там, в этом вон, его уже ждёт Иван, у которого не меньше чем у всех остальных вопросов к Антипу. С чем он прямо сейчас бы накинулся на Антипа, но Антип, прекрасно понимая, что сейчас волнует Ивана, сразу его срезает на полпути к этому своему вопрошанию. – Отойдём куда-нибудь, где народу поменьше. – Говорит Антип и сразу удивляется Ивану, который и не знает, где на его рабочем месте есть места потише. – Я, – говорит Иван, пожимая плечами, – и не знаю таких. Здесь везде днёмлюдно. – И приходится Антипу брать на себя роль проводника к этим малолюдным местам. Правда, когда они вышли на задний двор клиники, а там тоже было не безлюдно, то Иван имел полное право указать Антипу на то, что и он сам не знает таких мест, и

значит, он был прав. Но Иван не стал так мелочиться, тем более у него накопилась масса к Антипу вопросов, которые ему нужно первым задать, пока Антип сам не задал ему всю ночь не дававший уснуть вопрос-монолог:

– И где же ты был, когда меня те бандитские морды ломали через колено, чтобы выудить информацию насчёт тебя? Но не дрейфь, я им тебя не выдал, хоть мне и было крайне не просто это сделать. Они же настырные сволочи, и они не только меня со всех своих рук и ног били, но и пытались меня соблазнить заманчивыми предложениями в виде сногсшибательных красоток. Но я им сказал, как отрезал: Я никогда своего друга не променяю даже на самую сногсшибательную красотку, которой мне, может быть, никогда в своей жизни не заполучить. И пусть я потом буду кусать свои локти (это я их ввёл в заблуждение, я ведь до локтей не дотянусь), вспоминая предложенную вами Изабеллу, – до сих пор бросает в пот и дрожь при воспоминании её, – но дружба для меня священна. Как и для Ивана, который также бы поступил со мной, встретиться ему на его пути красотка и предложи она ему в счёт себя бросить меня на растерзание негодяям. Я всё верно про тебя думаю, Иван?

И чтобы ему на это смог ответить Иван? Вот то тоже, что ничего. Так что пока он не задался этим вопросом, Иван срочно должен его отвлечь. И хотя у него ещё с вечера было заготовлено столько срочных, первостепенной важности вопросов, он задаётся совсем не той первоочередной важно-

сти вопросом. — Я так и не понял, ты что такое знаешь о заведующем отделением, что он так закипел? — спросил Иван, ставший свидетелем разговора Антипа с заведующим отделения (Иван был среди участников обхода).

— Тебе это так интересно? — переспросил его Антип, видимо и сам не ожидая от Ивана такой очередности в вопросах. Ну а Ивану деваться некуда и он подтверждает.

— Да, в общем, ничего особенного. Батюшка Леонид... — Кто, кто? — Иван в удивлении перебивает Антипа. — То, что слышал. — Таким образом, уточняет Антип, и продолжает. — Так вот, батю... пусть будет Леонид, когда пришло своё время для его искуса, то он по своим внутренним причинам не устоял и, соблазнившись мирской жизнью с мирянкой Елизаветой, («Откуда такие слова, — удивился Иван») до совершенства искусно вылепленной природой, ну а то, что она болтлива, то это даже не недостаток, а природная сущность хозяек своего языка, стал отступником, как он себя посчитал. Впрочем, Леонида, человека талантливого и душевно беспокойного, одна мирская жизнь не могла устроить, и он, переквалифицировавшись из ловца душ во врача, решил, значит, посвятить себя борьбе со следствиями душевных пороков человека, его болезнями тела. Что у него не плохо со временем стало получаться, и он достиг на этом поприще достойных уважения успехов. И так он продолжал, пока со временем не упёрся в свой теологический потолок, где он вдруг осознал, что хочет опять лечить души. А вот как это

сделать, имея за собой такой багаж прошлого как у него, он не представляет себе. Ведь он отступник перед самим собой, а этого он объяснить никому не сможет, кроме конечно того, кто это поймёт и всегда примет его. И этого, пожалуй, было бы достаточно, но только не для него, ведь есть ещё, как минимум Елизавета, которой и не объяснить все эти метания своей души. И всё это вместе взятое обозначает то, что он ещё не готов быть тем, кем он хочет. Ведь если сам в себе не можешь разобраться, то разве он достоин того, чтобы выступить в качестве врачевателя душ. Вот и мучается и теряется в сомнениях человек, что и сказывается на его работе. – Антип замолчал, ожидая от Ивана вопросов, которые тут же последовали.

– И откуда такие познания? – спросил удивлённый Иван.

– Скажу, что от Елизаветы, согласишься? – спросил Антип, с прищуром посмотрев на Ивана.

– Я даже не знаю. – Иван мысленно и буквально почесал затылок.

– А я вот знаю. – Добродушно сказал Антип. – Не нужно искать во всём тайный смысл и заговоры, – они только и существуют, чтобы разнообразить и сделать более интересной нашу серую жизнь, правда не без своих настоящих исключений, – когда в большинстве случаев это всего лишь естественный ход вещей, о котором у нас всего лишь знаний не хватает. Да та же ваша вовлечённость в это дело, с этим потерявшим память пациентом. Что, по сути, вами двигало?

Не побоюсь предположить, что первородный грех, любопытство. А чтобы оно смогло вас подвигнуть на лишние движения и перебороть новый бич человечества, вызванный прогрессом, малоподвижный образ жизни, или другими словами, лень, то ему-то только и нужно было сделать, как придать большей загадочности и таинственности всему произошедшему, которые как раз и служат катализатором для возникновения интереса. Тогда как на самом деле, всё до естественных причин просто, естественный отбор среди своего вида, выразившийся в борьбу за выживаемость и за место под солнцем.

– Откуда такая приземлённость мышления? – спросил Иван, не перестающий удивляться всем этим переменам и эмоциональным переходам Антипа.

– Всё естественно. Накопилось, вот и выпускаю. – Усмехнулся Антип.

– Так что они сказали? – с дальним посылом спросил Иван.

– Вначале всё больше спрашивали. – Вновь прищурившись во взгляде на Ивана, сказал Антип, немного подумал и продолжил. – Сказал, что они опоздали. Они же со своей стороны имели на этот счёт обратное мнение. В общем, не поверили ни единому моему слову. Правда, они не стали от меня требовать, чтобы я их в этом переубедил, а сделали мне заманчивое предложение. – Антип сделал паузу, необходимую для того чтобы более доступно для понимания Иваном

сформулировать это поступившее предложение.

– И какое? – не удержался и спросил Иван.

– По итогу которого, они бы получили своё, а мы с тобой своё. – Туманно сказал Антип.

– А понятнее нельзя? – спросил Иван.

– Можно. – Сказал Антип. – Они хотят, чтобы мы разыскали одного типа. – Добавил Антип и, вынув из кармана фотокарточку, протянул её Ивану. Иван берёт фотокарточку, изучающе смотрит на неё, затем поднимает глаза на Антипа и спрашивает его. – Как-то это всё странно, а что им мешает самим отыскать этого типа? Мне, кажется, что им это было куда как легче сделать, и тогда зачем мы им нужны?

– Выходит, что для того чтобы ты принял это предложение, тебе нужны для этого веские причины, некая побудительность к действиям. Так что ли? – спросил Антип.

– А разве это не естественно, как ты на этом настаивал? – вопросом на вопрос ответил Иван.

– Так ты оказывается, естествознатель. – Засмешился Антип.

– А ты нет? – отреагировал в ответ Иван.

– Пожалуй, да. – В задумчивости сказал Антип. – А знаешь, что? – спросил Антип.

– Что? – последовал ответ Ивана.

– Если всему есть причины, то и у этих типов есть своя причина так поступать. – В раздумье проговорил Антип. – И как думаешь, какая? – спросил Антип Ивана. А Иван и не

догадывается даже, что он и демонстрирует, пожав плечами. И тогда Антип сам отвечает. – А я ведь их об этом спросил. Зачем, говорю, мы вам нужны? И знаешь, что они мне сказали? – И, пожалуй, Антип мог бы не задавать Ивану этот вопрос, он на него ответа точно не знает. Правда, он был риторическим и Антип его задал для удобства перехода к тому, что ему ответили на его вопрос.

– Они сказали, что не скажут, потому что я не поверю. – Сказал Антип. – И? – не давая возможности Антипу перевести дух, тут же задался вопросом распалённый любопытством Иван. – А что я им должен был в ответ сказать? – в недоумении на ещё не высказанные, но явно имеющие место в голове Ивана критические заявки, заявил Антип. – Не переубеждать же их в самом деле в том, что я им, людям совершенно в моих глазах не заслуживающих доверия и с кем я лучше бы не имел никаких дел, поверю. Хотя, если вы задействуете нас, говорю я им, то нам, для того чтобы хотя бы просчитать для себя риски и опасности, нужно понимание того, для чего собственно всё это делается. «Тогда убедил», – говорят они. А после добавляют: «Мы не можем». И опять для меня ничего из этого непонятно. А им как раз даже очень понятно это моё замешательство, и видно по мне, как мне непонятно. И они спрашивают: «Что не веришь?». Ну а мне скрывать нечего. Не верю, говорю. «А вот если бы ты не спешил и дослушал до конца, то ты бы всё понял. На а раз ты столь спешно живёшь и так расточительно растрочи-

ваешь своё время, то ... ты как раз по всем параметрам нам подходишь. Интересующий нас человек находится в другой, примерно в такой же что и ты формации времени, и только тебе его будет по силам убедить, представиться нам», – сказали они.

– А тогда зачем нужен я? – спросил Иван.

– Чтобы мне не верить. – Со всем своим простодушием ответил Антип, что Иван и не знал, как на это реагировать.

– Как это? – единственное, что нашёлся сказать, то есть спросить, Иван.

– Они сказали, что если ты задашь этот вопрос, а это произойдёт непременно, то сказать тебе, что ты нужен, чтобы всё подвергать сомнению. – Сказал Антип. Тут Иван, услышав в устах Антипа тот вчерашний посыл ему Веры, вздрагивает и нервно переспрашивает Антипа. – Как ты сказал? – Антип же как будто не замечает всех этих изменений в Иване и с прежним спокойствием даёт перефразированный ответ. – Сказали, что нужен независимый взгляд, и ты лучше всего для этого подходишь. Ведь ты во всём полагаешься на факты и аргументы, и тебя на бездоказательные заверения не провести и не убедить в иных категориях мыслить. – И услышь Иван этот ответ Антипа, то он бы непременно задался вопросом: «С чего они взяли всё это?», – но Иван, как только вспомнил тот посыл Веры ему в дорогу, с её предупреждениями насчёт Антипа, – во что он и тогда не поверил и сейчас не верит, – вглядываясь в фотокарточку в своих ру-

ках, углубился в свои размышления и ничего вокруг не слышал. Где он вдруг наткнулся на потрясшее его открытие, из которого можно сделать вывод, что Иван подсознательно всё же слышал, что ему говорит Антип.

– Так вот что всему причина. Я всей своей сущностью тождественен искомому человеку, и они надеются, что это позволит его отыскать. Я так сказать, в независимости от своего желания, следуя своим путём, наведу их на него. Но тогда зачем им об этом сообщать мне, когда можно было это осуществить в тёмную, не ставя меня в известность? Или тут всё гораздо сложнее, или же проще? – Иван покосился на Антипа, что-то ему до сих пор рассказывающего. – Точно! – догадался Иван, вспомнив тот разговор между Сумрачным и его напарником в приёмном отделении. – Это будет моя проверка по определению меня человеком вне времени. И если я ... а скорее он, сумеет меня обнаружить в некоем качестве, то значит, я тот самый искомый ими человек. И что тогда? – спросил себя, вспотев от всех этих мыслей Иван. – А тогда то, как говорила Вера, они приступят к забору того, что мне передал тот тип из бара. Но что он мог мне такое передать или вложить в душу, что им так это нужно? – и вновь Иван погрузился в глубину раздумий. Из которых он выходит с новым вопросом. – А какая всё-таки роль отводится Вере. Что-то её объяснения мало убеждают. Стоп. О чём Антип говорил. – Иван начинает вспоминать сказанное Антипом и его осеняет догадка. – Так вот какое имеет значение

Вера, она фигуральная точка бифуркации между двумя дорогами. Одна из них отождествляется с безверием, а вторая с верой... Да в того же типа из бара, потерявшего память. А при чём здесь я? ...Чтобы поверить?... – Иван поднимает глаза на Антипа и перебивает его вопросом. – И когда пойдём его искать?

Антип определённо сбит с толку этим вопросом Ивана, и он в замешательстве даже спрашивает Ивана, почему он решил, что он дал согласие.

– Так фотокарточка же здесь. – Резонно отвечает Иван.

– Не могу не согласиться с этим доводом. – Усмехается в ответ Антип, придя в себя. После чего добавляет. – Я думаю, что раньше, чем закончится твоя смена, не получится.

– Не получится. – Пожал плечами Иван, протягивая фотокарточку Антипу. Антип берёт фотокарточку, смотрит на неё и, переведя свой взгляд на Ивана, спрашивает его. – Есть какие мысли насчёт него?

– Чем-то похож на нашего без памятливого пациента. – Сказал Иван.

– Не знаю, не видел. – Сказал Антип. – А что насчёт него, не узнал, куда его поместили?

– Не до этого было.

– Понятно. А что там с Гаем? – спросил Антип.

– Надо бы заглянуть. – Уклонился от прямого ответа Иван.

– Или не будем спешить расстраивать его, тем более ему

рекомендован покой и хороший сон. Что не смогут обеспечить все эти беспокойства и новости от нас. А так мы через любопытство и нетерпение простимулируем его на выздоровление. – Предложил Антип.

– В этом есть что-то. – Многозначительно сказал Иван, явно склоняясь к предложенному Антипом варианту.

– Я думаю, что он не сильно расстроится, когда узнает, сколько всего лишнего пропустил мимо себя. – Сказал Антип, бросая взгляд за спину Ивана. Чем заинтересовал Ивана, собравшегося было повернуться назад и глянуть на то, что там увидел Антип, но Антип не даёт ему возможности поддаться стадным рефлексам и делает ему вопросительное предложение. – Кстати, знаешь, что тебе ещё не будет лишним? – Ну а так как Иван не знает ответа именно на этот вопрос, то Антип сам даёт на него ответ:

– Тебе для повышения своей квалификации, было бы не лишним поучаствовать в качестве слушателя в теологических беседах, которые время от времени проводят между собой Леонид и Людвиг у него в отделении. Тамошняя обстановка, так сказать, способствует движению особой мысли.

– Туда, как понимаю, особенное приглашение нужно? – спросил Иван.

– Ага. – Кивнул Антип, затем посмотрел на наручные часы и добавил. – После обеда Леонид к нему заглянет, а мы к нему чуть раньше подтянемся. Как ты, не против?

– А ты откуда знаешь? – спросил Иван.

— А что мне здесь в клинике ещё остаётся делать, как только набираться знаниями. — Антип прямо-таки удивлён такой недалёкостью Ивана.

— Хорошо, если меня не задержат, то я зайду. — Сказал Иван, поворачиваясь в сторону клиники, чтобы пойти по своим служебным делам. И он бы пошёл, если бы Антип вдруг не спросил его. — Так ты мне про Елизавету так и не ответил. Так ты поверил в такую мою версию объяснения? — Иван видимо и забыл, кто это вообще, и поэтому ему пришлось для начала сообразить на этот счёт, а когда он что-то такое, смутно вспоминаемое, связанное с ней вспомнил, то не сразу и сообразил, что ответить.

— Не ломай голову. — Усмехнулся Антип, видя эти затруднения Ивана. — Она моя сестра. А это, я надеюсь, всё объясняет.

— Пожалуй. — В растерянности проговорил Иван, пока ещё в должной степени не оценив, что это может ему всё объяснить.

— И запомни главное, — добавил Антип, — всё сложное всегда объясняется элементарными вещами. Видишь, как всё сразу объяснилось, стоило мне только сделать это небольшое уточнение. И сразу исчезла вся таинственность и загадочность, которую я на вас всех навешивал. «Кто ж это такой, кто себе такое позволяет по отношению чуть ли не царю и богу в этом отделении, заведующему отделением, и при этом не просто не соглашается с ним, а ведёт себя так, как будто

он бессмертный и никого здесь не боится?», – наверняка так ломали себе голову над загадкой моей фигуры, придавая мне мифический образ. А всё, как оказывается, до элементарного просто – я всего лишь привилегированный родственными связями пациент, оттого и позволяю себе столь много. Как тебе такой расклад? – с вызовом спросил Антип Ивана.

– Не очень. – Явно с сожалением сказал Иван.

– И мне не очень. Вот оттого природа и не всё для нас раскрывает, прикрывая все эти не очень покрывалами загадок. Но человек так уж создан, что его тяга к знаниям в него природой заложена. И он не просто желает всё знать, а ему это прямо-таки необходимо знать, ну и само собой, со всеми причинами и объяснениями всему происходящего. Хочу мол, знать, и меня не переубедишь в этом, по каким юридическим законам, – прецедентное или доказательное право есть настоящий источник права, – живёт созданное природой мироздание и законно ли это вообще. Так ведь? – спросил Антип Ивана. И Иван, в общем, – с юридическим правом пусть специалисты разбираются, – согласен.

– Значит, не на один природный разум, рефлексy, желаешь полагаться, а хочешь своим разумом жить? – спрашивает Антип.

– Вроде того. – Согласно кивает Иван.

– А что это, по сути значит? – спрашивает Антип.

– Что? – не понял Иван.

– А это значит, что человек от своей природы есть творец.

А любой творец всегда стремится превзойти своего учителя, в нашем случае природу, его создавшую и всему его обучившую. Вот он и хочется докопаться до сути вещей, до истоков природных знаний, чтобы на их основе попытаться сотворить для себя более лучший мир. Ну а что тебе и другим естествознателям главное нужно знать о природе, так это её основополагающее правило сущего, на котором всё держится и крепится. «Природа не терпит пустоты», – как говорил Аристотель. И если в одном месте убыло, то она обязательно предпримет всё необходимое, чтобы заместить эту убыль. И это и есть настоящая причина и следствие всего. – Антип многозначительно замолчал, глядя на Ивана в ожидании вопросов. Но тот как будто задумался, и от него вопросов сейчас не стоило дожидаться. И тогда Антип сам говорит:

– Ну и ещё одно напоследок добавлю. Я, пожалуй, оставлю на твоё разумение версию о моих родственных связях с Леонидом. И вполне вероятно, что я Елизавету только для примера привёл, чтобы объяснить тебе, как надо уметь пользоваться мозгом. А так она мне не какая не сестра. И тогда я возвращаю для себя бывший мистический статус в ваших глазах. – Антип внимательно посмотрел на Ивана, стараясь в нём что-то высмотреть. Но видимо ему из этого ничего не удалось сделать, и он с сожалением отпускает Ивана и говорит. – Пожалуй, уже прежней веры в мой мифический образ от тебя не добиться. Я этим своим откровением, даже на одно мгновение сочтённым за правду, нанёс своему мифи-

ческому образу непоправимый вред. И теперь мне, для того чтобы вернуть себе прежний статус-кво, нужно продемонстрировать какое-нибудь знаковое умение, под знаком мифического чуда. Что ж, что-нибудь придумаю. Но только не сейчас. – Закончил Антип.

После чего уже Антип не остаётся стоять на месте, и он, ловко обойдя задумавшегося Ивана, скорым шагом преодолевает расстояние до здания клиники, где вскоре скрывается в его дверях. Куда вскоре отправляется и Иван, так ещё и не сообразивший, что на самом деле значит эта родственная связь между Антипом и Елизаветой, которую он почему-то назвал мирянкой. – В наше время уже мало кто их так называет. – Покачав головой, рассудил Иван, вступив внутрь здания клиники. После чего он, всё также погружённый в свои размышления о сути такого об именовании этой Елизаветы, с которой у Антипа, скорей всего, не простые до натянутости отношения, раз он подбирает для неё такие знаковые слова, на автомате начинает свой подъём вверх по лестнице.

И так, пока он не достигает этажа, где расположилось его отделение. Где тут же натывается на заведующего отделением, что совсем неудивительно, когда закон подлости применительно к Ивану работает в этих стенах на все 100%. И как это всегда при таких, несколько запоздалых для Ивана встречах бывает, то заведующий отделением несказанно его видеть рад, после того как его все обыскались. Ну а дальше Иван наизусть знает, что ему скажет заведующий отделением.

ем, которого он крайне уважил своим соблаговолением появиться на рабочем месте, когда ему только одному вздумается, и он бы с удовольствием пропустил эту вступительную часть разговора, ведь его ждут его пациенты, но заведующий отделением в таких случаях всегда столь предупредителен и настойчив, и он всегда готов пойти навстречу Ивану, что у Ивана нет никакой возможности от него отгородиться этими своими обязанностями.

И заведующий отделением, поймав за карман халата первое же неосмотрительно здесь появившееся лицо в белом халате: «Вот как хорошо, что ты, Резус, нам тут встретился», – для начала приближает его к себе за тот же карман халата, а затем, так сказать, перенаправляет его было спешащую мысль в буфет, в сторону бездельника Ивана, по вине которого, он сейчас не будет трепаться за кофе с одной интересной медсестрой, а будет выносить за кем-то утки, хотя это совершенно не входит в его обязанности.

– Слушай Резус, – начинает издалека заведующий отделением, – как ты считаешь, в нашей профессии какое значение имеет взаимовыручка? – задаёт вопрос заведующий отделением и так пристально смотрит на Резуса, что тому и не отмолчаться, ссылаясь на вдруг заболевшие зубы. Ну а Резус сразу догадался, к чему подводит весь этот разговор Леонид (Резус так смел его фамильярничать про себя, а нечего было его третировать на обходах) – хочет, на нём оторваться. Но Резус, несмотря на то, что вмиг раскусил Леонида, не может

по-другому ответить, как только согласиться.

– Работа в коллективе всегда это подразумевает. Хотя у Макария на всё это свой особенный взгляд. – Резус всё-таки попытался перевести стрелки на своего коллегу. Что, между прочим, есть проявление взаимовыручки на практике. Ведь Резусу сейчас потребовалась помощь, вот он и обратился за ней к Макарию, упомянув его.

Но Леонид такой упёртый человек, и если он пристал к Резусу, то он от него не отцепится. – Спасибо доктор Резус за ценную информацию, с Макарием я по вашей наводке ещё поговорю, – Леонид в момент записал потемневшего в лице Резуса в ценные информаторы, после чего своим добавочным заявлением ещё больше раскалил внутреннюю обстановку в организме Резуса. – А сейчас доктор Резус, посмотрите на эту молодую поросль, можно сказать, на наше с вами и клиники будущее. – И хотя Резус бесчисленное количество раз смотрел на Ивана и даже были случаи, когда он у него занимал без отдачи денег, он ещё раз на него посмотрел. И не просто посмотрел, а с дальним посылом. – Ну, смотри Иван, если меня Леонид далеко пошлёт, то я тебя ещё дальше пошлю. И об отдаче долга можешь не вспоминать. – А вот последняя мысль Резуса, слегка сгладила его взрывное настроение.

– А теперь запомните, как следует его. – Леонид явно решил поиздеваться, раз выдвигает такие странные требования к Резусу, уже начавшему сомневаться в адекватности Лео-

нида. – И точно, – догадался Резус, – он заходил в инфекционное отделение, где и подхватил эту заразу неадекватности. – А осознание Резусом инфекционной опасности Леонида, вдруг смиряет его с действительностью, пока она не стала для него ещё хуже, если с Леонидом вдруг случится приступ этой подцепленной им лихорадки, и он, как это всегда делают все заражённые люди, не начнёт размножаться, а если точнее, то заражать всех людей, и при этом самым страшным способом – воздушно-капельным путём через поцелуи. – Тьфу, даже представить тошно. – Перекривился от всех этих зомби представлений Резус, что было зачётно воспринято Леонидом, увидевшим в этом искажении лица Резуса отпечаток его памяти.

– Вижу, запомнил. – Сказал удовлетворённый Леонид. – А теперь запомни то, ради чего ты его запомнил. Наш молодой коллега, просто убеждён, что взаимовыручка это один из трёх китов, на которых основывается наш подход к лечению пациентов. А раз так, – и в это он безмерно верит, – то он всегда и в любой удобный для себя момент готов положиться на своих коллег в деле выполнения своих служебных обязанностей. Что наш новенький по своей необходимости и проделывает. А теперь вопрос к вам, доктор Резус. – В одно мгновение изменив свой тон голоса из зубоскальского на чрезмерно серьёзный, Леонид обращается к Резусу. – Так вы оправдали возложенные на вас надежды со стороны нашего новенького, и провели осмотр прикреплённых за нашим но-

веньким больных их шестой палаты?

И Резусу можно не отвечать на этот вопрос, на его лице, потрясённым таким подводом его под монастырь Леонидом, всё написано, – ну я тебе, козлина, это припомню. – Но Леониду недостаточно всё это красноречиво видеть на лице Резуса и ему нужно вслух слышать всё это.

– Так что скажите, доктор Резус. Не подвели вы нашего новичка? И не на словах, на которые вы такой у нас мастер, а на деле продемонстрировали, что такое есть взаимовыручка? – Уперевшись взглядом в Резуса, задался вопросом Леонид. И казалось, что сейчас всё, и Резус, с далеко идущими выводами посмотрев на Ивана, не даст заднюю, и ценой своей потрёпанной репутации встанет на защиту Ивана, – да, всё верно, Иван полностью положился на меня, когда отправился по своим делам, а я, что за нехороший человек, да что там нехороший человек, да просто скотина, так его подвёл, заболтавшись с одной своей новой знакомой, – но тут вдруг берёт слово Иван и своим вопросом сбивает всех со всех прежних мыслей и толку, и тем самым ставит точку на развитии ситуации в этом направлении, перенаправив её в новое, пока неизвестное русло.

– Доктор Леонид, – обращается к заведующему отделением Иван (почему именно так, то и Иван себе не объяснит), чем спотыкает на месте Леонида и вгоняет в изумление Резуса, ни разу такого обращения в адрес заведующего отделением не слышавшего (а ведь он сам не раз порывался так обра-

титься к Леониду, будучи в крайне для себя чувствительном исступлении, когда принятым внутрь напитком были ослаблены связи между его здравомыслием и инструментом озвучивания своих мыслей, языком), с которым он теперь не сводит своего взгляда с Ивана. А Иван между тем продолжает. – Не соблаговолите ли вы, милостивый государь, пойти к нам навстречу и раскрыть некоторые факты из жизни мирянки Елизаветы, приходящейся вам супругой, которые касаются её родственных связей с одним из больных из тринадцатой палаты.

И тут даже не сам заданный вопрос, а форма его подачи, требовала для себя умственного рассмотрения, а на это всё нужно время, чего у Леонида как раз не было. И хотя он отличался продуктивной сообразительностью и его пока что никто в его отделении не мог поставить в тупик без ответа, всё же сейчас всё это так внезапно для него прозвучало и при этом с самой для него неожиданной стороны, – со стороны Елизаветы, а это наиболее слабое место в его конституции жизни, – то он сейчас совершенно не мог сообразить, что сейчас такое происходит и как он должен на всё это реагировать. И при этом отмалчиваться и затягивать время на раздумье, он никак не может, это обязательно будет не то чтобы не верно, а по отвечающим собственным воззрениям интерпретировано Резусом. Который обязательно обо всём том, что сейчас здесь, на его глазах, происходит, с максимальной скоростью и обхватом аудитории, распространит по всем от-

делениям клиники, чтобы так сказать, за ним осталось последнее слово.

Ну и Леонид, которым овладели суматоха из всякого рода и всё больше безумных мыслей, со своими каверзными вопросами: «Что за на хрен милостивый государь?! Кто ему сказал про Елизавету? И почему именно мирянку? А кто она тогда на самом деле? Мало ей было язык прикусить! Да кто он такой, чтобы я перед ним отчитывался? Неужели...? Ужели! Вот же сволочь! А что теперь подумает Резус? А не всё ли равно, он всё равно всё исказит. Да и плевать на него!», – зверски смотрит на Резуса и само собой глупость морозит. – Я не милостивый государь, а она не мирянка! – крепко заявляет Леонид, да ещё брызгая слюнями в лицо Резуса от этого своего эмоционального иступления. А вот это уже заставляет задаться вопросом Резуса. И он, вытерев лицо рукавом халата, с вызовом посмотрев на Леонида, спрашивает его. – А зачем же плевать, если это не так?

И вопрос Резуса, как только он был озвучен, а затем был осознан всеми его услышавшими, оказался не столь прост, как он слышался, и в нём было масса подтекстных значений. И если что и последнее интересовало Резуса, так это наплевательское на него отношение со стороны Леонида, с которым у него итак были непреодолимые разногласия на свою профессию – Леонид был плоть от плоти консерватор и без соответствующей сертификации и одобрения должных структур не давал ходу экспериментальным методам лече-

ния и концентрированных в таблетках и капсулах субстратов научных мыслей современных апологетов медицинской мысли, а Резус, как не трудно догадаться, всё это отстаивал и продвигал (пока безуспешно), – так что такого рода поношения в адрес друг друга, хоть и не так открыто, для них было обычное явление.

Но в те моменты их несогласий друг с другом, хоть было понятно, почему они так насчёт своего упёртого на одном своём идиотизме собеседника недоумевают, – «Он отстал от жизни и всего боится», – так доумевал Резус, «Его волнует только одно, и это не здоровье пациентов», – рассуждал Леонид, – то вот сейчас Резус не совсем понял, что послужило такой ярости Леонида, где он забыл о всяких приличиях, можно сказать, в первый раз, не прикрываясь рамками приличий и деликатности, открыто бросил ему вызов.

– Неужели из-за какой-то миранки? – задался вопросом Резус. – Да кто это, или что это такое? Ничего не пойму. – Но Резус, как и Иван не получил ответа на свой вопрос. Леонид вдруг заявил: «Вас ждут ваши пациенты», – и на этом закончил разговор и покинул их. Ну а Иван с Резусом переглянулись, всё друг за друга отлично поняв, – «пациенты ждут» это всего лишь сакраментальная фраза, обозначающая бытие человека больного в стенах медицинского учреждения, и никак не служащая для врача мотиватором для его действий в направлении начала приёма пациентов (пациенты всегда будут ждать и это данность), – отправились каждый в свою

сторону.

И если эти стороны разнились между собой только направлением движения, то та сторона, в которую чуть раньше направился Антип, плюс ко всему лежала в другой плоскости – он выдвинулся по лестнице вниз. Ну а внизу не столь большой выбор как наверху, и из-за специфики этого пространственного положения, там находятся, либо подвальные помещения, либо патологоанатомическое отделение, или же похожее на крошечный ад помещение, где сам чёрт ногу сломит. Куда же направил свой ход Антип, то путём не сложных расчётов, будет не сложно догадаться – он решил посетить патологоанатомическое отделение, чтобы так сказать, провести подготовительные мероприятия на их скорое посещение этого отделения.

Ну и казалось, а Антипу со всей его уверенностью так казалось, что здесь, в этом мало привлекательном для живых людей холодном помещении, людей живых редко встретишь, а всё больше отживших своё, но только Антип мягкой поступью спустился с последней ступеньки, ведущей в это отделение, как до его слуха доносятся человеческие разговоры. И первое, что делает Антип, так это замирает на месте и начинает прислушиваться к исходящему со стороны холодильного отделения разговору. И это разумное решение со стороны Антипа. Вдруг это между собой ведут разговоры уже и не люди, а их неживые последствия, то тогда появление здесь Антипа будет уж точно не ко времени. Ведь они и так

еле выкроили для себя время поговорить, – Людвиг большой трудоголик и не даёт им времени расслабиться, – а тут опять для них помеха.

А ведь они не от делать нечего ведут все эти разговоры, а им это насущно надо – никто же не знает, что там их впереди ждёт. А так они поговорят между собой, поделятся своими сомнениями насчёт себя: «Б**ть, чувствую, что меня в аду Элоизович ждёт!» или «А я вот уверен в обратном, меня никто и значит, ничего хорошего не ждёт», – выговорятся и им станет как будто легче. Всё-таки им не в одиночку отправляться в путь, а это уже вселяет силы и надежды.

Но как услышалось Антипу, то ведущиеся там разговоры совсем не похожи на разговоры людей уже своё отживших, а судя по всему, то те, кто там сейчас разговаривал, были людьми живыми. Они в разговоре совершенно не придавали ценности чужой жизни, где помимо самого сложного пошиба слов, часто звучали в чей-то адрес угрозы для их жизни – что-то вроде того, что голову оторву или накормлю этим подонком рыб.

Ну а Антип, отлично зная, что только при жизни человек не придаёт особой ценности этой своей жизненной данности, сделал за этих людей соответствующие выводы, – не просто живые, а интенсивно проживающие свою жизнь люди, – и больше не стал задерживаться на месте и вошёл внутрь. Ну а там его встречает картина маслом «Не ждали», правда только в исполнении кисти экспрессиониста, в стилистике новой

существенности и ещё там чего такого, чем дополняют недостаток своего художества субъективно талантливые художники. В общем, его появление было полной неожиданностью для собравшихся у одного из занятых трупом столов типов, в количестве трёх единиц. Правда, не без своих особенностей.

Эти типы и сами страшно выразительно выглядели, а если к этому прибавить окружавшую их мрачную обстановку и лежащий на разделочном столе труп, то тут даже и не знаешь, за кого нужно было больше страшиться – за них или же за того глупца, кто вдруг посмел их удивить. При этом этим типам всё же было не привыкать удивляться, – они, судя по их разбитному виду, люди были бывалые в разного рода передрягах, где от удивления в глазах до жмура в тех же глазах один огнестрельный шаг, – раз они не отвалили от страха свои челюсти вниз, а только лишь дёрнулись, но не поджимать свой хвост, а за чем-то существенным в карманы. Так что естественной реакцией Антипа на направленные на него стволы пистолетов была его остановка на пороге. Где он остановился и стал дожидаться, когда его о чём-нибудь спросят и тем самым позволят раскрыть рот. Чего недолго пришлось ждать, и как только эти суровые в своей жестокости к окружающему их миру люди переглянулись, то самый крепкий из них, и к тому же обладатель самого авторитетного слова, Молот, задаёт вопрос:

– Ты кто такой?

На что Антип делает удивлённое лицо, что его совсем не

красит в глазах этих авторитетных людей, не привыкших видеть такую мимику лица на лицах людей отвечающих перед ними всем собой и в частности на поставленные ими вопросы. Вот если бы он в жалости к себе, псу поганому, поплыл, то это ещё допустимо до их носков ботинок, а тут прямо какой-то вызов их основам жизни. И одного этого уже было достаточно, чтобы этого и не пойми, что за мошку, без очереди положить на соседний стол с биркой на ноге, а тут он ещё и говорит уж совсем невероятные вещи.

– А тебе в каком значении прояснить твоё понимание меня? – вопросом на вопрос отвечает Антип, да так дерзко, что у Молота возникла необходимость вновь переглянуться со своими корешами, чтобы раз и навсегда выяснить участь этого наглеца. Но видимо, там тоже мало что понимают, и Молоту приходится полагаться только на себя.

– Ты от кого? – задаёт вопрос Молот. Ну а этот вопрос вызывает у Антипа, а для этих суровых парней, человека бесшабашного, приступ закатного смеха. Во время которого Молоту и его компаньонам совсем было не до смеха. Да и вообще, когда в компании смешно только одному, а все даже и понять не могут, что он увидел смешного, то это выглядит пугающе ненормально. И Молоту приходится одёргивать этого разошедшегося в своём смехе непонятного для него человека. – Хватит ржать. И отвечай на вопросы, пока с тобой ещё разговаривают.

Антип с трудом приходит в себя серьёзного и берётся за

свой ответ. – Прошу меня извинить за мою неводержанность. Просто мне показалась удивительной ваша логическая последовательность на пути моей идентификации. По-вашему выходит, что для того чтобы определить, кто я есть на самом деле, – а от этого зависит ваши дальнейшие действия по отношению ко мне, – нужно получить векторное значение трёх знаковых точек глобального позиционирования в пространстве. И тогда на основе этих данных, можно будет построить мой портрет. Первая точка это я, – мой ответ на ваш вопрос, есть мой взгляд на меня, – вторая точка это тот, кто по вашему разумению послал меня и имеет для меня знаковое значение, – его имя будет определять его значимость для вас, – и третья условная точка, это сторонний взгляд на меня, в данном случае он выражается в моей определмости своего значения для этого знакового лица, пославшего меня сюда, – здесь имеет своё значение моя характеризованность этого стороннего лица.

– Что за лабуда?! – не выдержал Молот, оглушив своим громоподобным голосом внутреннее помещение отделения.

– Ты так Горелого разбудишь. – Усмехнулся в ответ Антип. – Если ты, конечно, этого не хочешь. – А вот упоминание Антипом Горелого, это другой, в момент напрягший его собеседников разговор, который заставил их, вначале покосившись посмотреть на лежащего на столе Горелого, так до сих пор и не убранного Людвигом, а затем уже под другим прицелом посмотреть на этого, всё больше их напрягающего

типа в дверях.

– Что ты хочешь этим сказать? – вновь став сурово хладнокровным, задал вопрос Молот, одновременно пытаясь сообразить, к какому рангу причислить этого типа – к тем, с кем он находится по одну сторону закона, что со своими сложностями вариант, или же к тем, кто находится по другую сторону закона, кому нет дела до справедливости и кто следует сухой букве закона, а это не менее сложный вариант.

– Да вот интересуюсь. – Антип начал с лёгкого бриза слов, а закончил полным эмоций штормом чуть ли не обвинений. – Для чего тебе понадобилось разбудить Горелого? – вдавил взглядом Молота Антип. – То ли ты хочешь перед ним покаяться за свою вину перед ним, то ли узнать то, что он от вас укрыв. – С эмоциональным накалом обрушил на Молота своё заявление Антип. Отчего его компаньоны рефлекторно даже чуть оторопились от него, а Молот, явно заведённый Антипом, в ожесточении яростно выкрикнув: «Да я тебя падла!», – бросился в сторону Антипа. Но тут вдруг случилась столь невероятная и необъяснимая на первый взгляд неожиданность, повергшая всех здесь присутствующих людей в шок, что кто остался на ногах, а это был Антип и один из компаньонов Молота, не сразу пришли в себя, пытаясь рассмотреть лежащего под Горелым Молота.

Ну а всё так случилось скорее оттого, что когда Молот так по взрывному себя неосмотрительно повёл и, не разбирая дороги, бросился на Антипа, то он своему ходу зацепился за

что-то в Горелом, возможно, за ту же руку (тогда выходит, что Горелый за него зацепился), – Горелый уже не был столь собран, как при жизни, и лежал на столе, как его положили, с раскинутыми руками, – что естественно повлекло за собой ряд предусмотренных цепной реакцией последствий. Так зацепленный Молотом Горелый, потянулся вслед за ним, пока не стянулся со стола и всем своим весом не завалился на заднюю часть ног Молота. Ну а Молот в нервном запале и не понял, что с ним сейчас происходит, и в итоге подкашивается с ног и валится лбом об пол, а сзади на него наваливается Горелый.

И получившаяся на выходе картина ещё та, а если к ней добавить соответствующий комментарий, который тут же последовал со стороны Антипа, то всем вокруг стало ещё страшней.

– А теперь Молот, а по мне так просто молоток, посмотри на Горелого. И не просто в лицо, а прямо ему в глаза. – Громоподобно ахнул на всё помещение Антип, да таким страшным голосом, что один из компаньонов Молота соскользнул с ног и с грохотом присел на свой зад. Что дало свой толчок для действий Молота, так и не сообразившего, что сейчас с ним происходит. И Молот, вывернувшись на спину, приподымает за голову, прилёгшего на него Горелого, и смотрит ему в лицо. После чего переводит свой взгляд на Антипа и вопросительно смотрит на него. Антип со своей стороны приближается к нему, наклоняется к Молоту и низким голо-

сом говорит. – А теперь внимательно посмотри на меня. – И по мертвеющему лицу Молоту стало понятно, что он увидел то, что должен был увидеть.

Глава 4

Теологический разговор

– Что с ним? – спрашивает Людвиг Леонида, собственно-ручно прикатившего в патологоанатомическое отделение каталку со своим специфическим пациентом. А Леонид даже не заглядывает в сопроводительные документы этого новоиспечённого пациента, что говорит о его большой профессионализме, и выносит свой эпикриз этому пациенту. – Приказал долго жить.

– А ты, значит, не посмел его послушаться, – усмехнулся Людвиг, – или... – Людвиг недоговаривает свой вопрос, внимательно вглядываясь в Леонида. И только после этого заканчивает свою фразу, – не имел ничего против? – На что Леонид отмахивается, – не говори чепухи. – А вот Людвиг это совсем не устраивает и он с возмущённым видом начинает возражать.

– А что не так? – более чем надо удивляется Людвиг. – Разве у тебя никогда не проскальзывала мысль об этом не против, при виде совсем конченного негодяя, по вине которого столько людей страдает, и было бы только лучше, если бы они, наконец, отстрадались. Да и бог, чьим инструмен-

том проведения его замыслов в жизнь ты являешься, явно не зря его характер жизни так болезненно предопределил, напав на него именно к тебе на излечение от своих недугов. Ну а ты-то уж знаешь настоящий источник человеческих недугов, и что подчас только кардинальные методы дают надежду на спасение. И не пойдёшь же ты против божественного замысла? – даже не вопросительно, а утвердительно обратился Людвиг к Леониду, чем заставил перекосяться взглядом Леонида. Но Леонид крепко стоит на своём осознании своего места в этих стенах и его не так легко разориентировать.

– Не суди, да не судим будешь. – Библейским изречением кроет Людвиг Леонид. Но и Людвиг не простой собеседник и ему есть что в ответ противопоставить. – Так ты, значит, руководишься страхом перед юридическим преследованием. – Людвиг выражает крайнюю свою озадаченность такой позицией Леонида. И теперь Леонид начинает нервничать. – Не искушай меня, – заявляет Леонид, схватившись за висящий на груди стетоскоп (а ещё кто-то смеялся ему в спину, интересуясь у себя, а зачем ему стетоскоп в этом самом неживом отделении, и кого он, спиритист чёртлов, собираются там слушать), – послушать тебя и не найти в тебе сердца. – И эта неоднозначно прозвучавшая угроза со стороны Леонида, достигает своей цели, и Людвиг смеряет свой дух (чего он боялся, не представляется возможным понять).

– Ну, ты же знаешь, – отстраняясь чуть назад от стетоскопа, натужно улыбаясь, начал оправдываться Людвиг, – что

я не могу иначе. Одиночество и тоска зелёная заела, и мне нужен хоть какой-то выход энергии. А сюда, ко мне, никто по своей воле не идёт, а я один в своём одиночестве, где собеседники всё люди не живые, с которыми о многом не поговоришь, от скуки постепенно плесневею умом. А они, эти мои пациенты, ещё больше эгоистичны, чем при жизни, и их волнуют только свои внутренние болячки и неустроенности. А спросить меня, как я себя чувствую при виде всей их изнанки жизни, не тошнит ли виде их внутренней жизни, чем укрепляешь свой рассудок при виде всего того, на что ты способен, то этого не дождёшься даже от живых.

– Ну и как ты себя чувствуешь? – спросил Людвиг Леонид. Людвиг отрывает свой взгляд от пола, куда он устремился под тяжестью своих грустных мыслей, смотрит на Леонида и говорит. – Сам знаешь, что работа накладывает отпечаток на образ мыслей и настроение. Хотя, пожалуй, у меня живётся всё в точности, как и у вас. Всё или многое, зависит оттого, какой пациент попадёт мне на стол. И хотя мой пациент не доставляет столько много сложностей, как ваш, за которого бывает, что не спишь и переживаешь, а он даже и не думает подумать, что их лечащие врачи так сердечно, а не за какие-то там приятные бонусы, за него всей своей душой переживают, всё же и он подчас доставляет свои хлопоты и переживания. А всё дело в том, что я заглядываю в своего пациента несколько глубже, чем это предписывает специфика моей работы. – Здесь Людвиг, заметив, что его слова про-

звучали двусмысленно, делает оговорку, необходимую для правильного понимания своих слов.

— Я наряду с физическим вскрытием, пытаюсь нарисовать для себя картину его прежней жизни, приведшей его к своему печальному результату. И я хоть плоть от плоти материалист, тем не менее, я не только не отрицаю, а признаю важное значение в жизни человека его душевной конституции, которая зачастую имеет для него определяющее значение. И мне иногда одного взгляда в фокусе Ломброзо достаточно, чтобы уже заранее, без внутреннего вскрытия знать, что послужило причиной смерти лёгшего на мой стол пациента. И это не торчащий нож в его боку, а это его безудержное стремление жить, правда, только за чужой счёт. Что в итоге его и сгубило. И это, как понимаешь, не единичный случай, а они чуть ли не через одного. И тут хочешь, не хочешь, а призадуматься над всем этим ...— Людвиг и вправду задумался, погрузившись в свои мысли. И Леонид был вынужден своим кряхтением напомнить ему, что его, в общем-то, ждут.

— Ах, да. — Очнувшись от своего забытия, говорит Людвиг. — И в связи с этим строишь свои зависимости и логические цепочки. — Добавил Людвиг.

— И какие? — спросил Леонид.

— В моём случае хеппи-энда не получается и поэтому всегда только печальные и трагические. — Тяжко вздохнул Людвиг. —

— Что-то особенное легко на стол? — спросил Леонид.

– Если бы только так, – сказал Людвиг, – а дело в том, что я начинаю уже не удивляться, а эти, когда-то особенные случаи, становятся привычными.

– Что, молодость опять пришла вне очереди? – спросил Леонид.

– И красивая при этом. – Сказал Людвиг, подходя к соседнему столу, на котором лежал труп, прикрытый специальным покрывалом. Здесь он дожидается, когда к нему присоединится Леонид и тогда только открывает покрывало, но не полностью, а до своих границ приличий.

– Ну, что скажешь? – Людвиг мог бы и не спрашивать у Леонида, восхищённого запредельной красотой, в которой так и сквозила потусторонняя загадочность пациентки Людвиг, со своими тайными знаниями за пределов мысленного.

– Я тебя понимаю. – Не сводя своего взгляда с этой замершей навечно красоты, проговорил Леонид. – И что ты о ней у себя выяснил? – спросил Леонид.

– Был бы я новичком в своём деле и чуть по моложе, то предположил бы, что это принцесса Несмеяна. – Как он всегда на своём рабочем месте делал, рассудительно заговорил Людвиг. – Воспалённость и широта её глаз указывает на это.

– А разве красота плачет, я всегда думал, что она только скрашивает жизнь. – Пропустив мимо ушей оговорки Людвиг, с сомнением сказал Леонид.

– Кому больше даётся, с того больше спрашивается. – Ре-

зонно заметил Людвиг. – В общем, она обладала повышенной чувствительностью.

– И что её не устраивало, когда ей столько давалось? – заинтересованно спросил Леонид.

– Всё как обычно. – Разведя в стороны руки, сказал Людвиг. – Незнание того, чего она на самом деле хочет. А подсказать некому, и не потому, что некому, а потому, что она никого не слушает. Внушили с рождения, что она своей красотой везде себе дорогу пробьёт, вот и перестала опираться на своё разумение, оставив всё на откуп своей красоте. А она, как оказывается, счастья не даёт, а только всё для себя требует, а вот чего и не поймёшь, когда нечем это уразуметь. И остаётся только от бессилия реветь.

– Ну, если она плачет, то, как говорят, не всё потеряно, и сердце всегда верную дорогу подскажет. – Сказал Леонид.

– Сердце? – многозначительно и скорей всего, сам себя переспросил в задумчивости Людвиг.

– Ещё что? – спросил Людвиг Леонид, не дождавшись от него словесной активности.

– Да вот находит на меня иногда странные мысли о мёртвой принцессе, которую через поцелуй можно вернуть к жизни. – Покосившись на Леонида, сказал Людвиг. Чем заставил вздрогнуть Леонида. – Ты вот только не извращай моё понимание тебя. – Тяжеловесно проговорил Леонид.

– А если? – всё не уймётся Людвиг.

– Без всяких если. Ты эти свои психологические тесты на

практикантах проводи. – Заявил Леонид. И тут к нему вдруг приходит понимание такого поведения Людвиг. – Я понял. Ты не хочешь делать вскрытие. – Заявил Леонид.

– Что-то не поднимается у меня рука на эту красоту. – Опять тяжело вздохнув, проговорил Людвиг. На что Леонид неожиданно для Людвиг. расплывается в улыбке и, стукнув его рукой по плечу, чтобы он взбодрился, на душевном подъёме говорит. – А я уж думал, что ты растерял все остатки чувствительности и совсем стал бесчувственным сухарём. Ничего, это со всеми бывает. Это так называемый, кризис среднего возраста.

– Возможно и так. – Почесав затылок, сказал Людвиг. – Что же насчёт моей пациентки, я её назвал Безвестница, – на неё пока что сопроводительные документы не пришли, – пояснил Людвиг в ответ на вопросительный взгляд Леонида, – то тут, конечно, поцелуем её на ноги не поставишь. Ведь она к тому же принцесса Несмеяна, – это её династическая фамилия, – и её рассмешить надо. – Наставительно покачал головой Людвиг, смотря на Леонида. Леонид же уже и не знает, шутит он или что это тогда всё значит. А вообще, всё очень запутано с этими монархическими династиями. Несмеяна, как думается Леониду, это всё-таки прозвище принцессы, а вот под какой фамилией числится эта сказочная династия, то он не знает.

– Шучу. – Своевременно ответил Людвиг на этот немой посыл Леонида. – А если рассматривать мою пациентку с мо-

ей настоящей позиции профессионала, а не новичка, которая, как видишь, ведёт в тупик отношений с пациенткой, где и рецепты её понимания слишком странны, то в первую очередь бросается в глаза, как бы это не тавтологически прозвучало, то это её глаза, а точнее её взгляд. – Людвиг так бесцеремонно ткнул пальцем в глаз Безвестницы, – правда, он его не коснулся, а остановился в предельной близости от него, – что Леониду рефлекторно моргнулось и сглотнулось от нервного переживания за свой и глаз Безвестницы. И ещё бы чуть, то палец Людвиг погрузился бы в зрачок глаза. А как бы это выглядело, то хоть Леонид и всякого на своём рабочем веку повидал, ему это даже представлять не хотелось – жутко жидко в этих озёрных глазах.

– Видишь, как смотрит. – Указующе на глаза Безвестницы говорит Людвиг. И хотя Леонид отлично это видит, он всё-таки не поймёт, в чём тут загадка. – И? – интересуется Леонид.

– Её глаза не закрыты, как у основной массы моих пациентов, – чего ещё они в этом мире не видели, вот и прикрыли глаза, – и при этом не полностью раскрыты, что объяснялось бы мышечным спазмом, а веки остановились где-то на середине своего пути и создаётся такое впечатление, что она из своей потусторонности, где она сейчас находится, прищурившись на вас смотрит и изучает. – А вот эти слова Людвиг заставляют Леонида напрячься и уже не так прямо, а фигурально покосившись, посмотреть на Безвестницу. Во взгля-

де которой, он после этих слов Людвига, внушающих разного толка мысли, всё больше таинственного и загадочного характера, увидел столько для себя волнующего и непокорного, что Леониду даже стало жарко в этом холодном помещении.

И тут как не вспотеть, когда видишь, что не ты изучаешь пациентку на столе патологоанатома, а чуть ли не тебя изучают предметно, с помощью этого, два в одном лице Безвестницы, живого эхолокатора и микроскопа – а этот её удивительный прищур глаз, есть фокусировка её самонаводящихся линз на предмет изучения – его, Леонида.

И сидят сейчас там, на той стороне реальности, некие учёные мужи и диву даются при виде его, Леонида, поведения. – Мы-то думали, что образованный дипломами и жизнью Леонид, поведёт себя как-то иначе, – как иначе не знаем, но точно не как Леонид, – тогда как всё происходит совсем иначе, и он даже и не думает отвечать нашему на него мировоззрению. Нехорошо Леонид. – В рассуждении и осуждении Леонида покачивали головами эти учёные мужи, разглядывая Леонида в фокус прищура Безвестницы. Среди которых, уже и не неожиданность для современного мира учёных сообществ, каким-то образом затесалась своя учёная, чем-то похожая на одну из Кюри, только более что ли складную, и она естественно никому покоя не даёт и вносит свой диссонанс в стройность мыслей этих мужей. С кем и с чьими мыслями она как это обычно бывает в учёных сообществах, ка-

тегорически не согласна, что она во всеуслышание и заявляет.

— Скажите мне. — Обращается к учёным мужам мадам Кюри до чего же противным голосом, что их всех начинает от этого звукового диссонанса корёжить, — Медик это учёный или как? — И, конечно, учёные мужи в ответ на этот обращённый на них пронзительный взгляд Кюри, не могут не выразить полную поддержку любому сделанному ей выводу. — Да, конечно! Всё верно. Мы полностью разделяем ваши взгляды на эту в ваших глазах мелкоту. — С подобострастием кивают в ответ учёные мужи, давно уже понявшие, что в науке, на подобии аксиом, есть свои бесспорности, на которые в своих доказательствах, конечно, ссылаться не стоит, но и перечить им тоже контр продуктивно. И мадам Кюри, одна из таких бесспорно выдающихся учёных, и оспаривать это никто на себя смелость не берёт.

Это на первых порах, когда для учёных умов мадам учёная была в новинку, они с высоты своей учёной фундаментальности и отчасти тщеславия, с иронией посматривали на её учёные потуги добиться взаимности со стороны науки и их, как видных представителей науки. И если уж вскрывать все завесы тайн, то все эти учёные умы достаточно скептически относились к участию в жизни науки любого вида мадам, даже в самых толстенных очках и вместо прически на голове имеющей скопище бигуди, и на всё тех же первых порах не допускали до себя мысль о признании мадам учёной

в такой учёной степени.

— Если уж им так хочется быть ближе к науке, то пусть дезинфицируют колбы для опытов. — Вот в таком качестве видели мадам учёных все эти учёные мужи. И как показало время, они просчитались, как минимум, в случае с мадам Кюри для начала. Которая привела им такого рода доказательства своей учёности, что учёные мужи и возразить ничего ей не смогли, так они были шокированы умением мадам Кюри умело аргументировать и постулировать свои доводы в пользу своей учёности. — Я смотрю, вы тут все большие умники! — мадам Кюри с первых слов к высокому собранию учёных мужей, вогнала их в сомнение насчёт её слов и себя, не зная, как к ним отнестись. Начать в возмущении возражать, я мол, не такой большой умник, как мадам Кюри смела предположить, и значит принизить себя в глазах науки, или же промолчать, и тем самым признать правоту слов мадам Кюри. К чему, в общем-то, ведут оба варианта их ответа. И вот это-то больше всего и взволновало учёных мужей, уже подспудно почувствовавших, что с мадам Кюри бесполезно спорить, её не переспоришь.

Ну а если мадам Кюри перейдёт на личности, а личности учёных мужей, честно сказать, так себе и всё больше потрёпанные жизнью с наукой (с другими сферами жизни у них как-то не сложилось), то учёным мужам и противопоставить будет нечего суровой правде жизни, сквозящей в её словах. А ваше: «Всё относительно», — оставьте при себе гер Эйн-

штейн.

– Пусть уж лучше она будет учёной, нежели она пройдёт-ся по нашей учёности и развеет мифы о нашей большой учёности. – Подытожили результат своих размышлений учёные мужи, после заявки мадам Кюри на членство в этом элитарном по учёности клубе.

Мадам Кюри же в свою очередь и не сомневалась в своей пока ещё не озвученной правоте, а также в том, что учёный совет, как он это делает обычно, когда дело касается её, поддержит её начинания. – Так если он учёный, то где спрашивается, его готовность к жертвам? Само собой со своей стороны, а не со стороны предмета своего изучения. – Кюри сделала необходимую поправку. – Учёный должен не бояться экспериментировать, бороться и искать, найти вождь-ленную панацею от всех болезней и не почивать на лаврах. Правильно я насчёт него говорю? – обратилась с вопросом к учёным мужам мадам Кюри, знающая за собой страсть к патетике и театральности. Что поделать, такая у неё беспокойная натура.

Ну а учёные мужи, вбитые в стулья заявленной экспрессией мадам Кюри, готовы уже эволюционировать в овации, если бы это было к месту, а так как пока мадам Кюри не обозначила, что к месту, а что нет, то они позволяют себе только с восторгом в глазах во всём соглашаться с мадам Кюри.

– Всё до единого слова бесспорно, и даже больше. – Искрят глазами учёные мужи, среди которых всё же выискали-

ся один отступник от общих правил поведения учёных мужей, – искреннего восхищения перед гением мадам Кюри, – и это, как не трудно догадаться, был месье Кюри. У которого, видите ли, имеются свои взгляды на мадам Кюри и на её жизненные постулаты и категории мысли, где некоторые из них ему кажутся слишком радиоактивными – под этим иноземным, а, по мнению учёных мужей, самым месье Кюри и придуманным для своего апломбу словом, он подразумевает некую нигде не квалифицируемую учёную избранность. То есть не всем умам для их никчёмного разума доступно, что всё это значит. Что, по мнению совета учёных мужей, есть желание месье Кюри считать себя самым умным и более учёным.

И если уж быть откровенно честным, а это среди учёных мужей не всегда получается, в особенности на пути к своему открытию (все хотят быть первыми), то если бы не мадам Кюри, со своей безудержной энергией, которую скорей всего, от квантовал для себя месье Кюри и тем самым зарядился знаниями, то они бы и в счёт его не ставили – каждый первый учёный это учёный муж, и чем месье Кюри спрашивается, отличимо от них лучше. В общем, тьфу на тебя месье Кюри. Ну а то, что ты мадам Кюри расщепляешь на атомы, по твоему хвастливому выражению, сказанному в курилке, к которому ещё добавляется полный тщеславия вопрос: «А вы так можете?!», – то в этом случае учёные мужи, как люди от науки, где истина познаётся опытом, не собираются на слово

признавать эту истину.

– Хорошо. – Удовлетворяется увиденным на лицах учёных мужей мадам Кюри, а стоящее на лице месье Кюри ей ещё больше доставляет удовольствие – значит, она верные компоненты подобрала при готовке супа, и использованные щёлочи в скором времени пробьют дно в понимании месте Кюри, что эксперименты только в одном случае неуместны – их никогда нельзя ставить на собственной супруге. А если тебе так уж невмоготу, то ставь их на себе. В общем, чтобы вечером полученная им премия, которую ты вдруг решил один исследовать, лежала на столе. Мадам Кюри, зрительно убедив месье Кюри в бесперспективности своих потуг на собственные, единолично-эгоистичные взгляды на премию, возвращается к объекту их общего исследования, Леониду, и делает на его счёт заявление.

– Значит так. Вот что я на его счёт решила. Всё будущее Леонида будет зависеть оттого, какие мысли ему внушила пациентка Людвиг, Безвестница. И если он на неё смотрит с профессиональным интересом, и в него даже на мгновение не закрылась мысль заглянуть под её покрывало, то Леонид ещё не потерял для общества в качестве врача. Но если же он, глядя на Безвестницу, только об одном и думает, то я даже и не знаю, что об этом негодяе думать. – С чем мадам Кюри, после краткого изучения выражения осунувшегося лица своего Кюри-супруга, наклоняется к своему зрительному прибору и начинается вглядываться в душу Леонида.

Ну а Леонид до этого момента даже и не помышлял, такого непристойного рода умные мысли думать против Безвестницы, и он если на то пошло, то был убеждённый однолюб и на этот счёт буквальный трезвенник. Правда, в тоже время он человек, со всеми своим рефлексамии мыслей, которые не смогли не отреагировать на такую в свой адрес «заботу» и присмотр со стороны благочестия мадам Кюри. И Леонид себе позволил, правда, только задаться в эту сторону вопросом. – А почему, собственно, меня все в этом постоянно подозревают? Неужели, на нейронном уровне людьми чувствуется такая моя устроенность жизни, где я удовлетворённый жизнью только с одной гражданкой, не оглядываюсь по сторонам в поиске увлечений.

И хорошо, что тут о нём вдруг вспомнил Людвиг и с помощью своего вопроса прогнал все эти мысли. – Ну что, увидел? – спросил Людвиг.

– Всякую глупость. – С усмешкой ответил Леонид.

– И мне тоже самое видится, когда я вижу нетронутую рукой красоту. – Вдохнул Людвиг. После чего Людвиг вроде как взбодряется и риторически спрашивает Леонида. – А она, как думаешь, что видит? – И хотя Леонид многое надумал на этот счёт, он решает не распространяться, а лишь пожимает в ответ плечами. Чего как раз и нужно было Людвигу, у которого уже заготовлен ответ.

– А она не смотрит на нас, а она всем этим своим видом показывает, что она отлично видит, кто мы есть на самом

деле такие. – Заявляет Людвиг, сам прищурившись, глядя на Безвестницу. И, пожалуй, Людвиг попал в точку, по крайней мере, по мнению Леонида. И только Леонид так подумал, как Людвиг своим неожиданным поведением с экспрессией, стопорит его в мыслях.

Так Людвиг наклоняется к Безвестнице, и с яростным выражением лица, громоподобно оглушает всех своим вопросительным обращением к Безвестнице. – Верно, я говорю?! – Что заставляет Леонида прищурить глаз, а другой рукой, а точнее пальцем руки, начать прочищать оглохшее ухо. После чего он задаёт свой насущный вопрос. – И что это сейчас было?

– Хотел разбудить в ней то, что в ней ещё живо. Ведь что-то в ней заставляет так по живому выглядеть. А это, – хочешь считать меня сумасшедшим, считай, – по моему убеждению, есть подаваемый нам сигнал от... скажем так, концентратора её живой сущности, или души, как кому привычней. – Людвиг в ожидании своего понимания посмотрел на Леонида. И Леонид его не подвёл. – Не сумасшедшим, а помешенным на идее фикс под воздействием внешних факторов. Что же насчёт сигналов, то и с этим я с тобой соглашусь. Их подают рефлексy через свои спазмы.

– А я от тебя ничего другого и не ожидал услышать. Ты ведь у нас во всём органичный человек, то есть ограниченный своими убеждениями в главенстве естества человек. – С недовольством заявил Людвиг.

– Если ты знал мой ответ, то зачем же спрашивал. – Удивляется Леонид.

– Надежда на вдруг. – Кратко ответил Людвиг.

– Ну, это вдруг, как я понимаю, не от меня зависит. Так что не обессудь. – Развёл руками Леонид. – А ты, значит, руководишься другими законами и правилами при подходе к своим пациентам? – спросил Людвиг Леонид.

– Отчасти да. И это не только мне, но и им нужно. – Кивнув в сторону Безвестницы, многозначительно говорит Людвиг.

– Зачем? – удивился Леонид.

– Чтобы успокоить их душу. – Уже шепотом проговорил Людвиг. После чего он прикладывает палец к своему рту, типа подаёт сигнал «тихо», и со словами: «Она ещё там», – наклонившись ухом к Безвестнице, начинает прислушиваться. И всё это так выглядит странно, что Леонид и не знает, как на всё это реагировать. И если бы он не знал Людвига столько, что уже и не вспомнишь сколько лет, то есть достаточно, чтобы он числился среди тех, кто занимает заметную часть его жизни, то он бы давно покинул это помещение, и прямоком за санитарями, чтобы они скорей того успокоили.

Так проходит с минуту, а может и две, в общем, это крайне сложно замерить, и по прошествии этого времени, Людвиг выпрямляется и с многозначительным выражением лица подвигается к застывшему на месте Леониду, и тихо ему говорит. – Я её услышал.

– И что она говорит? – на том же звуковом уровне загадочности спрашивает Леонид. Людвиг заминается с ответом, смотрит на Безвестницу, затем возвращается к Леониду и говорит. – Разговоры по душам, в общем-то, ведутся не для того, чтобы о них рассказывать третьим лицам, но Безвестница разрешила. Она поделилась со мной, что её заставило здесь задержаться.

– И что? – всё больше удивляясь, Леонид уже во всю вовлечённый Людвигом в эту странную игру, не может удержаться и задаёт вопрос.

– Приставь стетоскоп к её груди и она сама тебе обо всём расскажет. – Шепчет в ответ Людвиг. И Леонид, как замороженный было потянулся за стетоскопом, за который он даже взялся, и тут её пробивает осознание происходящего. И Леонид одёргивается рукой от стетоскопа и, отступив на шаг от Людвига, окидывает его критическим взглядом и в полный голос делает заявление. – А мне не нужно её слушать, я знаю, что она мне скажет на свой бездуховный счёт. Ничего кроме правды, о чём и как полагается говорить с людьми ушедшими в иной мир. Так ведь? – к видимому удивлению Людвига, обратился с вопросом к Безвестнице Леонид. Ну а так как ответ от неё не следует, то Леонид опять берёт слово.

– Ну а правда на её счёт такова, – обращается к Людвигу Леонид, – что она, как минимум, ворожея, или ведьма другими словами.

– И почему? – спрашивает Людвиг.

– Уж больно красота в ней живая и изо рта вкусно пахнет. – А вот этот ответ Леонида сбивает с толку Людвиг, вгоняя его в растерянность, с которой он смотрит, то на Леонида, то на Безвестницу. Что начинает смешить Леонида, и он подкидывает дров в этот костёр непонимания Людвиг. – Что не веришь, или не знаешь, что делать, приняхаться или нет?

– Нет. – Выпрямившись в уверенности лицом, сказал уже улыбаясь Людвиг. – Да и что это даст.

– Понимание.

– Понимание чего? – спросил Людвиг.

– Требуемого от тебя подхода к пациенту. У тебя, как я вижу, свой нестандартный подход к своим пациентам. Вот и они, видя, как ты неформально подходишь к ним, решили тебе отплатить взаимностью, и подают тебе сигналы, на что нужно в первую очередь обратить своё внимание при работе с ними. – Сказал Леонид.

– И что, по твоему мнению, означает этот поданный ею сигнал? – задался вопросом Людвиг, ещё полностью не уразумев происходящее.

– Даже странно от тебя это слышать. Ты же сам совсем недавно выдвигал интересное предложение на её счёт. – Удивляется больше положенного Леонид.

– Это ты про что? – с сомнением глядя на Леонида, от которого можно сейчас ожидать всякую пакость, спрашивает его Людвиг.

– Всё о том же, – усмехается Леонид, – о твоём сказочном предложении, которое никогда не даёт сбоев и оживляет ещё и не таких принцесс.

– Ах, вот ты о чём. – Расплывается в улыбке Людвиг. – Я бы с удовольствием, но боюсь, что я фактурой не вышел, и при виде меня ожившая принцесса, тут же начав расплёвываться, ещё как пожалеет себя за то, что поверила во все эти сказки с оживляющим поцелуем, за которым, как ей говорили, всегда принц стоит, а не такое хамло, как я, которому для поцелуев только зады коров будут уместны. Ну и как итог всему этому выходу из сказочного бытия принцессы в настоящую действительность, олицетворением которой являюсь я, она меня так не пожалеет, что мне совсем скоро захочется оказаться на её спящем месте. И я не сомневаюсь, что безвозвратно.

– Это точно. Будут за три квартала обходить тебя стороной. – Согласился Леонид.

– И что же делать мне, горемыке? – спрашивает Леонида Людвиг.

– Что? – не совсем понимая, что от него хотят, спрашивает Леонид.

– Мне нужен свой, но только в духовном плане, Франкенштейн. – Сказал Людвиг, многозначительно посмотрев на Леонида.

– Я тебя понял. – Сказал Леонид задумавшись. – Хорошо, – после небольшой паузы сказал Леонид, – пока я готов-

лю на него документы, у тебя есть 48 часов.

— Я знал, что ты человек. — Людвиг несказанно обрадовался и, схватив Леонида за руку начал её трясти. И Леониду хоть и приятно такое проявление признательности со стороны Людвига, всё же он не может удержаться от того, чтобы не откомментировать эти слова Людвига. — Ну, спасибо хоть на этом, а то я уж начал сомневаться в своей человечности. Впрочем, как и в тебе. — Когда же первая волна эмоций потухла, Леонид спрашивает Людвига. — И какие у тебя имеются на его счёт планы? — А вот об этом Людвиг, по всей видимости, и не подумал. Он всё думал, как убедить Леонида в том, чтобы он дал в его распоряжение поступившего пациента потерявшего память, и за этим как-то совсем упустил этот момент. Людвиг не то чтобы был заиклен на потусторонних явлениях, то есть жизнью за пределами нашего разума, чему содействовала его профессиональная занятость, а он тоже был не лишён честолюбия и искал для себя тему для написания диссертации, а затем получения учётной степени. А этот случай с потерявшим память пациентом, как нельзя лучше подходил для его исследований.

Так что ответом на вопрос Леонида было полное сомнительное лицо Людвига, не решающегося сообщить Леониду о том, что он ещё не разработал концепцию по работе с этим пациентом. Ну а то, что он ему уже придумал концептуальное имя, мистер Икс, то это не такое уж большое достижение. Что, видимо, понимается Леонидом, и он решает помочь

Людвигу, задавая ему наводящие вопросы. – Ну, с чего-то ведь нужно начинать. – Сказал Леонид.

– Это верно. – Согласился Людвиг, почесав свой нос.

– Ну и что в его возрасте люди обычно делают? – спросил Леонид.

– Обычно сидят на диване у телевизора и набивают брюхо. – Не раздумывая о последствиях своего ответа, Людвиг с потрохами себя сдал Леониду, который, конечно, и сам не без такого греха, и его можно часто застать за тем же делом, но всё-таки такое его поведение перед телевизором, не входит в его ежедневные планы, предписанные привычкой.

– Это первая твоя ошибка. Если уж ты взялся за исследования, то твой взгляд на объект исследования должен быть максимально отстранённым от своего собственного я. – Сказал Леонид.

– Я понял. – Согласился Людвиг.

– А наш пациент всё-таки досиделся на диване, раз так у него всё с собой вышло. Только вышел за порог, как всё из него и вышло. – Усмехнулся Леонид.

– Кто знает, может у него от долгого сидения на диване в голове всё так подвинулось. – Предположил Людвиг.

– Ты так думаешь? – спросил Леонид.

– Нет. – Ответил Людвиг. – А думаю я, что надо его вывести на прогулку.

– И куда? – спросил Леонид.

– Рекомендуются поводить его по знаковым местам, они

типа способствуют возвращению памяти. – Сказал Людвиг.

– И кто это рекомендует? – следует вопрос Леонида.

– Психоаналитики из кино. – Ответил Людвиг.

– Ну, раз так, то я не сомневаюсь в успехе. – Сказал Леонид. – Ну и куда ты намерен с ним пойти? – спрашивает Леонид.

– Для начала куда-нибудь перекусить. – Следует ответ Людвига, в котором Леонид не сомневался. – А там по обстоятельствам. – Добавил Людвиг.

– И по каким? – всё не унимается Леонид.

– А вот по этим. – Заявляет Людвиг и, засунув в карман руку, достаёт оттуда кольцо.

– Что это за кольцо? – не сводя своего взгляда с кольца, спрашивает Леонид.

– У нашего мистера Икс выпало из кармана, когда я его препровождал в палату.

– А вернее? – спросил Леонид.

– Я с ним после нашего разговора у тебя, в кабинете, ещё немного переговорил на месте его размещения. И он из того, за что можно зацепиться, нашёл у себя в кармане это кольцо. – Сказал Людвиг, протягивая Леониду кольцо. Леонид берёт кольцо и начинает изучать его. – Как думаешь, камень настоящий? – разглядывая камень на кольце, спросил Леонид.

– Настоящий, я уже сделал его оценку. – Сказал Людвиг.

– И насколько?

– Настолько прилично, что из этого можно делать соответствующие выводы.

– Надеюсь не те, какие я по своему недоразумению, подстрекаемый моей жаждой наживы, могу сделать? – с долей иронии задался вопросом Леонид.

– Это только сопутствующий фактор, который не будет лишним. – Сказал Людвиг.

– Своими опасностями? – многозначно спросил Леонид.

– Лишняя мотивация не мешает. – Более чем уверенно заявил Людвиг. Леонид же ничего не отвечает, а он вдруг замечает на внутреннем ободе кольца гравировку и принимается её читать. Прочитав её, Леонид переводит свой взгляд на Людвига и спрашивает его. – Ну и что ты думаешь по поводу гравировки.

– Лучше бы он написал там адрес, куда в случае пропажи кольца следует обращаться. – Заявил Людвиг.

– Да, это бы облегчило наш поиск. – Согласился Леонид. – А кроме этого, есть какие мысли? – спросил Леонид.

– Наш мистер Икс, несомненно, весёлый человек, раз пытается иронизировать так на чей-то счёт. – Сказал Людвиг.

– А ведь это мысль. – Догадливо ответил Леонид.

– Ты это о чём?

– Если он гравировку на кольце с таким предупредительным посылом надписи: «Смотри, не перепутай», – то это определённо под собой имеет некие основания для своей реализуемости. – Начал рассуждать Леонид. – И если отки-

нуть в сторону характерную свойственность нашего мистера Икс, – почему, кстати, мистер Икс? – Леонид отклонился от хода своего рассуждения, задав сам себе вопрос, на который он не стал ждать ни от кого ответа и продолжил свои размышления. – Ладно, потом. – Отмахнувшись от возможных ответов на это вопрос, Леонид продолжил свои размышления. – И как говорится, нет дыма без огня, то получается, что у той, кому предназначалось это кольцо, имелась своя вероятность возможности перепутать, или впасть в заблуждение насчёт дарителя этого кольца.

– И как это возможно, если, конечно, сильно не порадоваться в ресторане накануне? – спросил удивлённый Людвиг.

– Пока не знаю, – принявшись прохаживаться вдоль столов, задумчиво сказал Леонид.

– Думаешь, что кольцо имеет какое-то отношение к тому, что с ним случилось? – спросил Людвиг.

– Теперь думаю. – Посмотрев на Людвига, сказал Леонид.

– Тогда пойдём наверх. Там по свежее думается. – Предложил Людвиг.

– И то верно. – Согласился Леонид, выдвинувшись на выход. Людвиг же окидывает взглядом помещение своего до жути родного отделения. После чего подходит к столу с Безвестницей, внимательно смотрит на неё и, подмигнув ей, говорит. – Значит, и глазом не моргнёшь, если надо будет. Что ж, считай, что это зачёт, и ты сдала экзамен на профпригод-

ность. — Людвиг делает задумчивую паузу и добавляет. — А насчёт всего остального, то это всё было шутка. Но как понимаешь, что в каждой шутке есть своя доля живительной искренности. И вот от твоего чувства юмора и правильной оценки этой шутки, и будет зависеть, оживёшь ты или нет. — После чего Людвиг накрывает лицо Безвестницы покрывалом и покидает отделение вслед за Леонидом, оставляя за собой до чего же тяжкую тишину, что лишний раз и не пошевелишься под её сводами. Особенно, если ты оказался здесь, не как все здесь находящиеся на столах уже безжизненные люди, не по своему желанию, а их обстоятельства непреодолимой силой привели сюда, а ты сюда забрался по собственному желанию и главное, разумению, и затаился в одном из подсобных шкафов, где тебя по заверению Антипа, никто не обнаружит.

— Вроде всё затихло. — Прислушиваясь к исходящим из вне звукам, шепчет Антипу Иван.

— Подожди. — Срезает его Антип, вглядываясь в темноту, в которую погрузилось помещение отделения, после того как ушёл Людвиг.

— Что, думаешь, оживёт. — Иван пытается на иронии расшевелить Антипа, который вдруг одёргивает его. — Смотри. — И Иван, придвинутый Антипом к щели между дверками шкафа, онемевает от увиденного зрелища подъёма Безвестницы, и всё это в свечении непонятно откуда взявшегося здесь, отблеска ночного, ближе к лунному света. Возможно,

что это свечение имело человеческую природу возникновения – осмысливание происходящего невольными зрителями её подъёма, этой мыслью подсветило подъём Безвестницы, чтобы всё выглядело более мистически и страшно (значит и страх участвовал в этой подсветке).

Ну а Безвестница и поднимается со своего места не самым обычным способом, а каждое её движение выверено и как будто автоматизировано. Так вначале с неё каким-то удивительным способом сползает покрывало (Иван, уже после додумывая, догадался как это вышло – она его руками подтянула вниз), при этом продолжая лежать, не двигаясь, в одном положении. После чего она, видимо прочувствовав, что никого здесь кроме неё и другой нежити нет, как-то особенно ровно приподымается верхней частью своего тела. Поднявшись до самого верхнего положения, Безвестница опять замирает в одном положении и начинает прислушиваться и возможно присматриваться. При виде чего у Ивана сразу возникают тревожные ассоциативные мысли. Сейчас она призовет к себе всякую нечисть, в число которой входят разного ранга вурдалаки и черти, и, наклонившись к ним спросит: Чуете?!

А эта вурдалачья сущность само собой чует всякую душу жизнью наполненную, – она всякой ахинеей и её источником, страхом пахнет, – и по первому приказу готова её растерзать. И вурдалаки и упыри сразу свои носы в сторону шкафа, в котором Иван с Антипом поместились, воротят и,

жаром ярости через свои ноздрища выдохнув, молвят: Чуем!

— Так принесите мне на блюдечке их глазницы. Я из них себе суп отварю. Они очень наваристы, когда лишнего видят. — Оглашает приговор Ивану и Антипу не просто какая-то Безвестница, а самая что ни на есть ведьма Валькирия.

Правда у Антипа в отличие от Ивана не всё так мрачно осмысливалось при виде вглядывающейся в темноту Безвестницы, он так сказать, был более приземленней что ли. И ему вдруг решилось, что Безвестница, как человек здесь новый, решила не терять за зря время, и осмотреться по сторонам и представиться перед теми, перед кем можно будет представиться. Вот она и вглядывается в темноту, чтобы усмотреть всех этих людей. И это желание Безвестницы не просто её причуда, а её к этому мотивирует необходимость осознания своего нового качественного состояния. Ведь она ещё толком не уразумела, что физическая жизнь её покинула, а к новому существованию она ещё не приспособлена. Вот ей и хочется поскорее с людьми бывальыми и знающими, пока они не разложились на свои атомы, обсудить своё будущее, или хотя бы узнать новые правила своего без оболочного (а это не без облачное) существования.

Что для неё, имеющей в физической жизни не самую последнюю по физической привлекательности оболочку, имеет не малое значение. Должна же она, в конце концов, знать, на что она всё это своё совершенство должна променять. Это

для какой-нибудь страхолюдины, этот вопрос решённый, не требующий даже обсуждения, – она, не задумываясь, променяет свою уродскую одёжку на феерическую бестелесность, – тогда как всякая красота и совершенство всегда разумны, и ей крайне нужно знать, ради чего такие жертвы.

– Вот вы мне скажите, – немедленно спросит Безвестница первое поднявшееся лицо сугубо сутулого и зрелого мужчины, который и сам с перепоя ещё понять не может, как и где он сейчас оказался, а от него уже требуют разумения, – как там, в после телесном жизненном пространстве, происходит самоидентификация личности. И это для меня вопрос не праздный, а наиважнейший. Я хоть человек и либеральных взглядов, но всё же крайне выраженная индивидуальность и с ней я не собираюсь ни с кем делиться.

– Нашла у кого спрашивать, – единственное, что мог бы ответить сутулый гражданин с перепоя, для которого вопрос самоидентификации тоже сейчас встал крайне остро. Что с одной стороны облегчает его адаптацию к новым условиям его бестелесной жизни, а с другой стороны... А он и не помнит, что было с той стороны, и значит, он готов принять новую для себя реальность. – Так вот значит, что является условием для перехода в иное измерение своей реальности, – уразумел сутулый человек с перепоя, – иная осмысленность себя. – И сутулый физической реальностью и мыслью человек, в один момент выпрямляется и тут же расстаётся со своей сутулой реальностью, переходя в другое своё измерение,

где он всегда прям и справедлив.

Сама же Безвестница не осталась без своего ответа и собеседника. И если сутулый человек с перепоя, так насчёт себя ускорившись, покинул их и эту реальность, то это не такая уж и большая потеря для общества, как сейчас и всегда считал расположившийся в одном из отсеков холодильника, один весьма видный из-за своего большого роста либерал, в один момент поднявшийся при своём упоминании Безвестницей. – Я с вами полностью согласен, – выбив ногами дверь холодильника, а затем выбравшись из него, заявил этот нос крючком, видный либерал, с самой либеральной фамилией Выходцев (к ней прилагалась по либеральному дворянская приставка – из низов, но в повседневной, после выборной жизни Выходцева, она не упоминалась). – Несомненно, этот вопрос требует обстоятельного рассмотрения. – Втыкая палец чуть ли не потолок, заявил Выходцев.

– А то я их отлично знаю, – многозначительно подмигнув Безвестнице, проговорил Выходцев, – устроят там у себя какой-нибудь плавильный котёл, – и само собой, не в том в ожидаемом грешниками качестве, – и соединят меня в какое-нибудь одно, не просто с человеком с другими талантами, чем у меня, – он склонен к бичеванию своих пороков, а я не столь самокритичен, и считаю, что для начала нужно изменить мир вокруг нас, – а с человеком совершенно с другими взглядами на меня, где нет места моим мыслям. И это ещё самое малое. Когда он может даже оказаться моим анта-

гонистом с диктаторскими наклонностями – я не хочу прогибаться под изменчивый мир, а этот прямо диктатор, да тот же Замуссолини, только тем и занимается, что меня под себя прогибает; и мультикультурные ценности здесь не причём.

– А меня с какой-нибудь уродиной возьмут и перепутают местами. – Ну а Безвестнице нет никакого дела до столь высоких материй, и она ещё приземлённо мыслит. А от Выходцева прямо никакой помощи, и он как будто не замечает, какой сложности вопросы встали перед Безвестницей. И он только посмотрел на муки страданий Безвестницы, в сердцах сплюнув: «Вот ещё проблема», – повернулся к Безвестнице спиной и принялся руками сворачивать горы, а может шею своим невидимым противникам, вставшим на его пути и мешающим ему во всю свою ширь разойтись.

Ну а Безвестница, видя, что здесь ей помощи не найти, откидывает с себя клеёнчатое покрывало, спускает на пол ноги, как оказывается, не босые, а на них надеты белые кроссовки, – а сама она к удивлению Ивана и Антипа, одета в медицинский комбинезон неизвестной расцветки, – после чего встаёт на ноги и напрямиком направляется на выход.

– И что это было? – спрашивает Иван Антипа, как только мягкие звуки шагов Безвестницы затихли.

– Кто бы знал. – Пожимая плечами, даёт ответ Антип.

Глава 5

Изнанка профессии

Задать вопрос: «Где я?», – можно по-разному, да и он и задаётся всегда по-разному, и при этом не было, наверное, ни одного случая совпадения, даже по интонации. И эта разность, как правило и в основном, зависит от того твоего пространственного положения, в котором ты вдруг и одновременно не вдруг оказался (вопрос ведь относится к твоему положению в пространстве). А когда ты открыл глаза, то прямо-таки не понимаешь, – почему-то всегда так выходит, – как это ты оказался в этом, во-первых, неизвестном, а во-вторых, никак не предполагаемом тобой месте длительного пребывания для ночлега (ты не привык собой так разбрасываться и, вообще, ты прямо исповедуешь во всём порядок, а не такую беспорядочность жизни).

Так произошло и с Гаем, правда только по самому началу, и когда он открыл после сна глаза, то он, увидев перед собой совсем не то, что он ожидал увидеть, – можно позавидовать столь большой его уверенности увидеть после сна то, что он ожидал увидеть, а вот что он предполагал или надеялся увидеть, то это так и осталось тайной даже для него, – и так сказать, на рефлексах задался этим вопросом к себе. Ну а как только он задался этим вопросом, то у него вслед за рефлексами заработало соображение и затем воображение. И он мигом сообразил, почему он проснулся не у себя дома в кровати, а в больничной палате – он со вчерашнего вечера, так сказать, перевоплотился, и при этом надо обязатель-

но подчеркнуть, не по своей воле, что всегда и бывает, из врачебного персонала в им обслуживаемый и здравоохраняемый гостевой персонал, состоящий, как правило, из нездоровых людей.

А как только сообразил, то мысленно потрогал свою перетянутую бинтами голову, – вот для чего нужно воображение, чтобы без использования рук проверить своё физическое состояние, после чего будет можно заняться проверкой своего душевного здоровья, – и, убедившись, что она ещё не раскололась на части, свободным от бинтов глазом глянул по сторонам и, обнаружив себя единственным бодрствующим в этой палате, решил немного повременить со своим подъёмом и немного осмотреться своими мыслями насчёт себя и своего нового положения в больнице.

Ну а так как Гай, можно сказать, был не самым обычным больным, то есть любителем, а он был в некотором роде профессионалом, то его подход к процессу своего лечения и своему здоровью, которое на время так разладилось, качественно отличалось от того любительского подхода людей далёких от профессиональной медицины, которые в этом серьёзном деле полагаются в основном на чужие знания, высказанные им в словесной форме, чтобы им потом в качестве компенсации за понесённый ущерб от лечения, нечего было в исковой форме предъявить, и на знания, полученные ими в очереди на приём к врачу, или вычитанные из интернета. Где в общих чертах, болезни, их симптомы и методы излечения,

может быть и описываются достаточно информативно, с лёгкими погрешностями, но там не учитывается главное, свои нюансы, без которых всё лечение того же насморка пойдёт насмарку. А вот чтобы их распознать, и нужны профессионалы от медицинского права.

И хотя медицинская специализация Гая была далека от его головы, он, тем не менее, знал главные принципы при работе с любого рода и вида болезнями, — они состоят из нескольких основных никогда: Никогда нельзя недооценивать даже самую пустяшную болезнь, она может быть опасна своими осложнениями. Никогда не доверяй внешнему течению болезни, внешний вид всегда обманчив и за рецессией всегда наступает рецидив. Никогда не полагайся на один только анализ и обязательно сделай повторный, вирусному коварству болезни нет пределов, а объяснения есть. Никогда не приступай к лечению с грязными руками и тем более с мыслями, чистота и стерильность отношений с подверженным болезнью человеком, первый шаг к его выздоровлению и твоей здоровью. И само собой, никогда не говори никогда, даже если ты врач от бога, только по твоему, конечно, разумению.

И ему от этого знания было с одной стороны легче, а с другой нелегче (это как провидцу, знающему, как в дальнейшем потечёт его жизнь, а в случае с врачом, как потечёт его болезнь). Ну а Гай, зная, отчего ему будет легче и что должно поспособствовать выздоровлению, начинает настраивать

себя на позитивные мысли, и пока ему не озвучен диагноз, а он однозначно должен быть оптимистичным, так думает Гай, Гай не будет мучить себя дурными мыслями о прошлом (так уж повелось, что дурные мысли все родом из прошлого, как и самые душещипательные).

– Всё-таки интересно складываются здесь отношения между пациентами и медицинским персоналом, – принялся рассуждать про себя Гай, слегка отстранённо и со стороны посмотрев на себя и свою профессию, что в его положении не просто позволительно, а даже необходимо делать, для того же повышения своей медицинской квалификации. Ведь нет лучше способа узнать все характеристики болезни, как только оказаться на месте больного – в этом случае врач выступает в качестве разведчика, который выявляет все слабые и сильные места болезни, а вернее сказать, выясняет источник её возникновения, ведь болезнь есть уже следствие чьего-то, как правило, внешнего воздействия на организм человека.

Тем более на месте нездорового человека может оказаться любой человек. И ни один врач не может зарекаться в том, что его минует сия участь, даже если он всё, всё, о причинах возникновения этой страшной болезни знает и сам от неё ставит профилактические прививки. И врачей только одно утешает: если врач всегда может стать больным, то не всякий больной может стать врачом.

Правда, в значительной части случаев, человек сам провоцирует это нападение на свой организм, создавая благопри-

ятные условия для установления в своём организме власти чуждых ему сил (хотя здесь не обходится без участия этих вражьих сил, которые через агентов своего влияния, направляют человеческую мысль в сторону ослабления своего иммунитета – человеку вдруг ни с того ни с сего захотелось выпить холодной воды в жару или съесть мороженое, а потом он удивляется, что горло у него красное). А вот кто за ней стоит и необходимо выяснить. А как только это выяснится, то вопрос ликвидации чуждого элемента уже не составляет особого труда.

Так вот, к примеру, какой-нибудь вирус, используя наиболее эффективный, проверенный временем воздушно-капельный путь для своего проникновения в организм человека, практически без труда оказывается внутри него, – для чего он плюс ко всему использует средства маскировки под названием штаммы, – и начинает свой захватнический путь с наиболее уязвимых частей человеческого организма. Вирус надо отдать ему должное, умеет стратегически мыслить, и он прежде чем нанести свой главный удар – по центру принятия решений, сердцу (на мозговой центр он давит опосредственно, желая через немощь и страх подчинить его и в итоге заставить сдаться), – начинает локально воздействовать на функциональные инструментариумы организма, нарушая местные связи и постепенно сужая круг возможностей для сопротивления организма.

Так заболевший человек для начала лишается возможно-

сти к активной деятельности и своему передвижению, – пойду, полежу, так вроде легче становится, – в результате чего питающая кислородом организм кровь, начав застаиваться, уже не так энергично перекачивается и организм начинает испытывать недостаток живительной энергии. Ну а вирусу только этого и надо, и он, через свою инородность, другого рода идеологическую составляющую, – я повидал мир, – соблазняет сказками о заграничной жизни местное население вирус, – и скажу вам начистоту, что вы из-за своей оседлости отстали от жизни (вот почему заболевшего частенько рвёт, из него вырываются наружу соблазнённые вирусом частицы его я), – добавочно накалив обстановку внутри организма человека, а это ведёт к разориентации человека в пространстве, начинает массированно действовать по всем фронтам. При этом надо понимать, что он ведёт гибридную войну, и главное сражение разворачивается на информационном поле битвы, за влияние над умом человека. И если вирусу удастся убедить человека в безнадёжности своего положения, – лучше уж вовсе не жить, чем так болезненно жить, да и статистика выздоровления от этого вируса уж больно безнадёжна (не трудно догадаться, кто управляет человеком в поиске всей этой ухудшающей его здоровье информации), – то вирусу можно праздновать победу.

И хотя вирус по своему разумен, он знает слабые места человеческого организма и на какие точки при случае нужно надавить, чтобы принудить его от боли согнуться, или дей-

ствовать так, как он для него предусмотрел – сегодня я тебя наказываю за непослушание, и ты не выйдешь из туалета, посиди там и подумай над своим несговорчивым на капитуляцию поведением, – он не может себе представить все мобилизационные возможности человека и всё-таки не так разумен, как человек, хотя и работает в этом направлении, пытаясь заблокировать человеческий разум, который, после того как первая линия обороны в виде иммунитета была прорвана, организует защиту организма. В том числе вирус ещё далёк (не без своих частных успехов) от понимания умственной составляющей человека, где не малое значение имеет то, кто противостоит ему, то ли самый обычный организм человека, или же заряженный медицинскими знаниями организм медика. Ну а это, несмотря на все организационные и анатомические сходства организмов обычного человека и медика, совсем не тоже самое. И если обычному человеку для распознавания в себе инородного вируса нужно почувствовать недомогание, которое всё равно не проясняет настоящую картинку с ним случившегося, то медик в момент, по характерным симптоматическим характеристикам, может вычислить имя этого инородца.

Так что не трудно догадаться, почему вирус себя более спокойно чувствует в организме человека не защищённом медицинскими знаниями, нежели находящемся под этой дополнительной защитой. Правда, вирус не какая-нибудь неразумная амёба и он тоже в своём разуме эволюционирует, и

его различные модификации в виде штаммов тому подтверждение и свой ответ человеку вооружённому медицинскими знаниями. И, пожалуй, можно предположить, что вирус по своему особому научился различать между собой организмы людей, и не только по характеру своей для него доступности, но и по категории своего разумного качества. И он вполне может отличить организм человека от себя совершенно не думающего и живущего как бог на душу положит – этот организм перенасыщен испарениями спиртосодержащих продуктов в самом узнаваемом случае, – от организма того же медика, вооружённого медицинскими знаниями – он сбалансирован на свой химический состав и оттого к нему так трудно подступиться вирусам. И они бы не подступались больше, но вирусы живут по тем же эволюционным законам природы, и им для дальнейшей своей выживаемости нужно повышать свою боеспособность, а для этого и приходится нападать и нащупывать слабые места обороны медиков.

Ну а медицинская служба тоже не собирается отсиживаться в обороне и она со своей стороны тоже ведёт свои разработки в плане противостоянию вирусным атакам. И здесь, как это всегда прослеживалось на протяжении веков этого противостояния, существенную роль играет самопожертвование учёного, того же медика. Который не побоится и заразит себя этим новым штаммом вируса (на мышах только слабаки и сорвавшиеся вегетарианцы экспериментируют), и будет вести за борьбой своего организма с этим вирусом на-

блюдение, и на основании всего этого делать выводы.

Так что Гай вполне возможно, сам того не осознавая (для того чтобы ввести в заблуждение этот страшный вирус – он уже по биению человеческого сердца научился определять степень его вовлечённости в противостояние с собой), мог вступить в этого опасное для своей жизни противостояние с новым штаммом вируса, который не только птиц пачками косит, а его особенность заключается в том, что он действует избирательно – он нейтрализует в основном медиков. Из чего можно сразу сделать первый, весьма мрачный для медицинской профессии вывод – этот вирус был специально так модифицировано выращен, чтобы нанести непоправимый урон медицине. А вот кто за этим стоял, то тут вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд – типа это противники научного подхода к лечению человека, разного рода знахари, шарлатаны от медицины и представители нетрадиционной медицины. А тут нельзя исключать вариант того, что за всем этим стояли сами медики, из числа тех, кто хочет не повысить качество медицинского обслуживания, а те дегенераты от медицины, кто в ней видит только источник для своего благосостояния.

Но с этим источником возникновения нового вируса косящего одних только медиков, а может и не только одних их, будут разбираться специальные дезинфекционные службы, тогда как перед Гаем стоит задача другого рода, выступить в качестве агента под прикрытием обычного больного и вве-

сти в заблуждение насчёт себя проникнувший вирус, — я никакой не медик, видишь, как внутри меня всё запущено и расстроено, а я скорее бич с вокзала, чем медик, — и когда он расслабится, то и взять его с поличным.

— Ну, теперь тебе нет смысла отпираться, — приперев к стенке вирус с помощью превентивных мер профилактики, рюмки самогона с перцем, огласит свой вердикт, находящийся в качестве агента Гай, — я раскрыл твоё настоящее имя (надо понимать, что раскрытие настоящего имени вируса, и ведёт к его ликвидации). Но вирус не был бы им, если бы к нему не было никакого доверия, и сам он никому на слово не верил.

— И кто же я? — всё не сдаётся вирус, чья позиция уже не столь крепка под воздействием самогона с перцем.

— Палочка Коха! — Гай прямо вбивает в себя и своё недоумение вирус, которому, конечно, очень лестно слышать в свой адрес такие высокие предположения, но у него тоже есть своя вредоносная гордость и он заявляет (а вирусы хоть и коварны, но в тоже время всегда алгоритмично честны и всегда действуют в своих областях вредоносности), что он хоть и не столь опасен, но тоже может нанести существенный вред человеческому организму.

— Что-то сомневаюсь. — Гая прямо воротит лицом в сторону от этого вируса, который только на словах такой из себя опасный, а рассмотри его в микроскоп, так его и не увидишь. Тьфу, на тебя и нет вируса. Что не может не задеть ви-

рус, ведь единственное, что он не может не заметить, так это пренебрежение к нему со стороны человека. И вирус, забыв о всякой осторожности, выдаёт себя Гаю: «Я вирус гриппа H1N1», – и при этом так на Гая смотрит, как будто что-то апокалипсическое для него сказал. А Гай в ответ и ухом не ведёт и просто тупо на него смотрит. И вирус само собой заводится и прямо с угрозами на Гая наступает: «А ещё меня называют свиным гриппом. Тебе это название о чём-то говорит?!».

– Нисколько, – разведя в сторону руки, с видимым сожалением говорит Гай, – может оттого, что я религиозный вегетарианец и не ем свинину. – А вот этого уже сам вирус не ожидал услышать, и его начинает одолевать когнитивный диссонанс своего нахождения там, где он по убеждениям этого человека не должен быть, а как бы находится. – Но как так может быть? – вопрошает потрясённый вирус. – Все ответы на свои вопросы получите у вирусного пророка господина Касперского. – Отсылая, куда следует вирус, оставляет ему надежду на будущее Гай в своих имеющихся в его голове фантазиях.

Правда это ещё не конец и на его пути ещё масса такого вирусного рода препятствий, совсем не ожидающих, когда он ими займётся – они привыкли действовать вероломно, без предупреждения. И Гай немедленно взялся бы за них, и со всеми этими опасностями сумел бы справиться, если бы его на пути к ним не подкосило, отправившее его в медицинскую

койку другого рода недомогание. И вполне вероятно, что всё это с ним случилось не случайно и за всем этим стояли всё те же дегенеративные личности от медицины (это скорей всего, были экономисты, мать их за ногу), но Гай ещё молод и он так далеко вперёд не заглядывает.

Но что-то нам, людям не без своих тараканов в голове, подсказывает, что Гай, соблюдая строжайшую секретность, вынужден был всё умалчивать и отрицать. А это всё есть часть некоего секретного плана, разработанного в недрах секретных лабораториях клиники, под руководством авторитетных врачей из министерства. Где борьба с новой модификацией вируса, есть только шпионская легенда, под прикрытием которой, Гай и будет работать над устранением, куда как более опасных причин болезней, чем вызванные вирусами инфекционные заболевания. И теперь только Гай понял, почему у него с учёбой не слишком складывалось, его уже на раннем этапе готовили к этой секретной миссии – в нём ничто не должно выдавать за человека близкого к медицине, а иначе у него не получится втереться в доверие у болезнетворных образований. Они ведь действуют системно, а борьба с системой всегда требует системного подхода и требует значительной подготовки и работы над собой.

А вот против именно какой системообразующей болезни Гай будет работать, то это глубочайший секрет, о котором и сам Гай не до конца посвящён, по причине того, что знания об этом немедленно передадутся тем его внутренним силам,

которые проявляют слабость и шатко ведут себя под давлением этой новой болезни. И единственное, на что Гай может опираться в своём понимании поставленных перед ним задач, так это на кодовое название операции – «Психосоматика». И больше ни, ни. А сейчас его думы, чтобы не вызывать любого рода подозрений, чисто для отвлечения, направлены в другую сторону.

– Вроде как все эти монументальные здания построены для нездоровых пациентов, – продолжает размышлять Гай, – и люди, себя посвятившие врачебной профессии, без них ничто. Но всё равно пациент себя здесь чувствует не за главного, а на вторых ролях, и наблюдается какая-то прямо дискриминация по профессиональному признаку. И врачи только формально значатся обслуживающим персоналом пациентов при больнице, тогда как на самом деле, именно пациент выступает здесь в этом качестве, и всем собой обслуживает жизненные потребности врачей. – Гай, оказавшись на месте больного, начал себя вести прямо как какой-то коллаборационист и принялся предаваться предательским по отношению к своей профессии мыслям (и позитива в них не наблюдается).

И не трудно догадаться, что подвигло его на эту сдачу своих прежних позиций, где он на пациентов смотрел с некой долей своего превосходства над ними, – да что вы знаете о своей болезни, кроме болезненных симптомов, – вот с таким нарративом в глазах, смотрел сверху вниз на стремяще-

гося его удивить своим кашлем больного Гай. — Да хоть закашляйся в возмущении, а только я один знаю, как излечить твою изжогу. — И больной от удивления и непонимания связи между его кашлем и болями в груди, и этим поставленным врачом диагнозом, даже и кашлять забыл. А Гаю только этого и надо, и он, быстро приложив стетоскоп к его груди, начинает слушать и понимать, что он в этой груди не слышит — благоразумия. А как только им осмотр всё ещё находящего в изумлении больного произведён, то Гай перед уходом бросает ему многозначительную фразу: «Придётся с вашей памятью поработать, иногда её потери приводят к поразительным результатам», и оставляет больного без кашля, а также в полном непонимании этого молокососа; да и сигареты ещё куда-то пропали.

И тут Гай вдруг сообразил, что и сам впал в самую распространённую среди больных ошибку, он стал слишком близко к сердцу воспринимать свою болезнь, — что и вылилось в такую придирчивую направленность его мыслей, — а это может осложнить работу сердца, что уж точно не пойдёт ему на пользу. И Гай, вглядываясь в белый потолок палаты, принялся отстраняться от этих, мало оздоравливающих мыслей. — Главное в этом деле настрой, — принялся себя настраивать на выздоровление Гай, — и с лёгким сердцем и духом всегда легче преодолевать препятствия на своём пути. Так вот почему аппетит пропадает, когда болеешь. — Ахнул от догадки Гай. — Организму не нужна лишняя нагрузка на себя,

вот он и подаёт сигналы, что ему пока что не нужны лишние калории. – Гай прислушался к себе, пытаясь услышать подаваемые организмом сигналы. И видимо они шли, но только не те, какие Гай ожидал услышать.

– А я похоже, не слишком и не здоров, если есть хочу. – С долей досады резюмировал послы своего организма Гай. Чему бы, наверное, нужно было бы порадоваться, но первая неосознанная мысль, всегда призывает к первенству, а это значит, что Гай, как минимум, должен быть не самым легко страдающим в этой палате пациентом. – Другие больные при виде твоей царапины не только уважать тебя не смогут, а они тебя, помянешь моё слово, ещё за симулянта примут. – Примерно вот так помыслилось Гаю, как только он почувствовал голод. Правда, за этим он успокоился и перевёл свои рассуждения в другое русло.

– А ведь если провести свои ассоциированные параллели между клиникой и тем же санаторием, то по какой интересно звёздности можно будет оценивать клиники. – Ударился в рассуждения Гай, вглядываясь в панораму чистого потолка, где ему представился не раз им виденный в рекламных буклетах пятизвёздочный отель со своим «всё включено». – Скорей всего, звёздность клиники будет зависеть от специфики заболевания. Так, например, если заболевания не излечиваются с помощью манипуляций с лекарствами и таблетками, и требуют внешнего вмешательства, то это эти клиники должны оценивать по самой высшей категории. А ес-

ли... хотя в этом болезненном деле, нет чётких граней определения значимости для человека болезни. Для человека в этом деле главное, близость к нему болезни. Своя болезнь ближе к телу и разумению. – Гай на этом месте потрогал рукой свою голову, и собрался было продолжить свои размышления, как со стороны его спины, а там, как уже понял Гай, находятся входные двери, доносится тихо ведущий разговор.

Между кем он вёлся, Гаю это пока не представлялось возможным узнать, – повернуться и тем самым перебить говорящих, он не собирался, – а то, что он так для него неожиданно начался, – как из его смысловой направленности Гай догадался, то он не только что начался, а уже давно шёл, – то у Гая не было времени над этим задумываться (просто он за своими размышлениями всё упустил) и он, затихнув в своих мыслях, принялся слушать, о чём там вёлся разговор.

– Выбор небольшой, – тихо проговорил первый женский голос, – астения, где всё не так страшно: восстановился – и всё как рукой сняло, и не самый хороший вариант, болезнь Альцгеймера.

– И что, на это есть показания? – спрашивает второй голос.

– Чёткой симптоматической картины не наблюдается, но косвенные указания на этот диагноз в наличии имеются. Один из самых первых симптомов болезни Альцгеймера – это ослабление памяти, которое пациент подспудно ощущает и начинает по этому поводу испытывать беспокойство и

тревогу. Как именно происходит ослабление памяти? Конечно, каждый случай уникален, но общий лейтмотив такой, что это происходит до странности избирательно, и страдает именно эпизодическая, или автобиографическая память. При этом так называемая семантическая память – общие знания и представления, а также процедурная память – то есть, способности к обучению и навыки – остаются нетронутыми.

У нарушений же автобиографической памяти тоже есть свои особенности:

- есть большая разница между непосредственным, сразу после заучивания, и отсроченным, через некоторое время после заучивания, воспроизведением. И если сразу после заучивания вам ещё смогут повторить то, что требовалось запомнить, то через некоторое время уже нет.

- возникают трудности с восприятием расстояния, глубины и других пространственных объектов. Человеку становится труднее подниматься по лестнице, ориентироваться в знакомой местности или даже встать с постели.

- помощь при заучивании и подсказки при воспроизведении никак не улучшат общую картину, не помогут человеку вспомнить, что же он учил или запоминал.

- уменьшается болевой порог. Может, забывают?

- пациенту трудно не только активно самому воспроизвести, что же он пытался запомнить, но и справиться с заданием, в котором есть выбор: например, если спросить его, про-

сили его запомнить яблоко или грушу, он не сможет вспомнить, что же именно.

– происходит потеря рассудительности. В этом случае человек может тратить деньги впустую, поддаваться на различные виды обмана. Также обычно аккуратный человек может выглядеть растрепанным, неухоженным или одетым не по погоде.

– страдает избирательность памяти: то есть, при попытке вспомнить тут же приплетается всякий посторонний и ненужный материал.

– происходит потеря ориентации в пространстве и времени. Такое явление также может возникнуть у обычного человека, например, сразу после пробуждения. Иногда человек может даже путать времена года и считать себя моложе реального возраста, так как чувство времени при болезни Альцгеймера теряется.

Кроме того, страдает процесс пространственного воображения и узнавания: пациенты затрудняются определить время по стрелкам часов... впрочем, сейчас с этим проблемы у большинства школьников начальных классов, с трудом различая правую и левую стороны, плохо ориентируются на местности в стороне от давно и хорошо знакомых им маршрутов. Многие не сумеют нарисовать на листе трёхмерную фигуру – тот же кубик, например.

Характерно нарушается речь, причём уже на раннем этапе болезни. Этот симптом называется аномия, или, если пере-

вести с греческого, то не название: пациенты не могут назвать показанный предмет, хотя вполне способны объяснить, зачем он, для чего и что им делают. — Постепенно затих этот второй голос.

— Как будто зачитывает откуда-то. И такое чувство, что я где-то что-то подобное слышал. Точно, Иван так описывал несвоевременного человека. — Сделал вывод Гай, вдруг осознав, что прикрыл глаза во время этой читки лекции, и даже возможен вариант, что он на пару мгновений выпал из реальности в сонм своих сомнений, ещё называемых сном.

И Гай, чтобы как-то взбодриться и посмотреть на того, кто его так сморил ко сну, — когда со сном возникнут проблемы, то он будет знать, к кому обращаться за помощью, — открывает глаза, а точнее один глаз (второй и не поймёшь под этой повязкой, в каком находится положении) и в один взгляд во внешние пределы понимает, что уже не имеет никакого смысла оборачиваться назад и искать там кого-либо — в него уставилось и так пристально смотрело лицо крайней внимательной к нему наружности, что его лицо в точности и не различить, так оно всё расплывалось. И в голову Гая, почему-то только одно сейчас при виде этой к себе внимательности зашло — со мной случилась та самая аномия, когда человек видит показанный ему предмет, то он объяснить может, что он перед собой видит, а вот назвать его назначение не может (здесь нужны наводящие подсказки, тот же кирпич).

Между тем это лицо без опознавательной для Гая наружности, – простыми словами незнакомое, а его большие характеристики – крайней степени любознательность (все нездоровые люди не просто крайне любопытны и любознательны, а они плюс ко всему этому, жутко агрессивны в их проявлении – вечно суют свой нос туда, куда их не просят), не добавляют ему смысла, не умалчивает своё здесь нахождение и значение. – Это они обо мне говорили. – Многозначительно кивая в сторону входной двери, тихо говорит это лицо больное своей любознательностью. – И скажу тебе по секрету, – слегка наклонившись к Гаю, шепчет опасный пациент, – я с ними во многом не согласен. – Что для Гая не неожиданность, он из своей практики знает, что этой альтернативной точкой зрения на своё излечение, болеет большая часть трудно излечивающихся пациентов, особенно с манией своего величия в болезнях, так называемых ипохондриков.

– А может у меня свой собственный взгляд на мои стороны света, и для меня лево и право совсем другое, чем для всех остальных. А они, уже исходя из этого, делают насчёт меня неутешительные диагнозы. Вот скажи мне, – сказал опасный пациент, протягивая перед собой свои руки, – где у меня правая, а где левая? – спрашивает опасный пациент. И Гай само собой затрудняется с ответом.

– Видишь, сам затрудняешься с ответом. И тогда получается, что ты такой же как и я, неподдающийся консервативному лечению больной. – Здесь опасный пациент

быстро оглядывается по сторонам и, вновь наклонившись к Гаю, тоном предусматривающим сокровенность сообщает ему страшную тайну. — У них для таких как мы, строптивых больных, есть свои экспериментальные средства излечения от этого нашего недуга. И это не электрический ток, когда ты путаешь свою руку и тебя бьёт током, а этот метод называется зазеркалье, где по форме тебе всё видится как бы и должно, — вот моя правая рука, — опасный больной демонстрирует невидимому зрителю свою левую руку, — но это только так видится в отзеркаленном виде, тогда на самом деле... — опасный пациент замолкает и тут вдруг с него как будто сходит наваждение и он более осмысленным что ли взглядом смотрит на свою левую руку, затем переводит свой взгляд на Гаю и с тем же загадочным видом говорит. — Но они одного не учли, — опасный пациент вновь смотрит по сторонам и после этого, приложив палец ко рту, тихо говорит, — я левша.

Гаю ничего другого не остаётся, как знаковым кивком поддержать своего собеседника. При этом внутри себя Гай всюю негодует за такую неосмотрительность местного врачебного персонала, который поместил его явно не в то отделение. Здесь, судя по этому, нездоровому типу, занимаются излечением психических заболеваний, а у него пока что нет таких явных последствий своей травмы, чтобы его напрямую направлять сюда. — Хотя экономисты давно уже рулят медициной. И они, решив снизить траты на некоторые лечебные процессы, так сказать, оптимизировали его, и убрали лиш-

ние и весьма затратные, по их мнению, стадии лечения. – Рассудил про себя Гай.

– Если есть весома вероятность того, что ударенный в голову человек сможет в итоге слететь с катушек и чокнуться, то нужно сразу дать ему шанс доказать, насколько он крепок своей головой, для чего и надо перевести его в конечный для такого рода пациентов пункт назначения – отдельную комнату обитую подушками. – Вот с таким посылом зажимают финансирование медицины, эти новые эффективные менеджеры. – Правда, это пока что не отдельная палата, и я, пожалуй, при удачном раскладе могу рассчитывать на лёгкую стадию шизофрении. – Как и должно профессионалу, Гай с оптимистическим настроением посмотрел на себя и на своё будущее в палате с умалишёнными.

А уж в чём, в чём, а в этом, можно как минимум, на одного такого человека в палате рассчитывать и не сомневаться в том, что он не подведёт в этом плане. Ведь человек при долгом своём нахождении в одном пространственном и заточенном на одной мысли положении, постепенно начинает обуреваться параноидальными мыслями, да хотя бы на счёт течения своей болезни. И эта болезнь с момента своего появления, и отныне и до своего излечения, если такой результат предполагается, и если ты, конечно, не затянул с ней, а это тоже тяжёлые мысли о безвозвратно упущенном времени, занимает все его мысли, – и даже от них нет покоя в местах особо личного пространства, – и ни на минуту не упус-

кает его из вида, напоминая о себе, как только ей этого захочется. И тут хочешь, не хочешь, а начнёшь заикливаться на своей болезни, и смотреть на мир через ту же свою больную печень, где теперь тебе уже не до чувствительного для сердца и души питания, и проникновенно осознаваемой для рассудка еды.

Между тем опасный пациент, после своего признания в своей левости взглядов получивший от Гая имя Левша, опять проявляет внимание к Гаю и вслед за этим своё понимание его неразговорчивости. – Вижу, переживаешь и волнуешься перед первой встречей со своим лечащим врачом. И я тебя за это упрекнуть не в чем. Ведь от того кем окажется твой лечащий врач, – искренне любящим свою профессию и не ошибившийся в своём призвании человек, или искренне любящий себя в этой профессии, тоже без ошибок на свой счёт человек, – будет зависеть что тебе придётся претерпеть на пути к своему выздоровлению. А каким оно будет, то это тоже не маловажный вопрос. Но ничего, ты здесь не один, и мы, как понимаешь, – Левша кивнул в сторону соседних кроватей, из под покрывал которых, начали постепенно вылупляться лица, – на твоей стороне.

– А что насчёт врачей, – Левша в один момент потемнел лицом при упоминании собой же этих врачей, и Гай поздравил себя с тем, что не стал спешить и указывать на то, что он и сам отлично знает, кто такие врачи, ведь он один из них. А тут, как оказывается, к врачам неожиданное для него от-

ношение со стороны пациентов.

Он то всегда думал, что раз они с больными находятся на одной, светлой стороне, где с тёмной стороны им противостоит болезнь, и так сказать, занимаются одним общим делом, то в соответствии с этим, между врачами и пациентами не только не должно быть особых разногласий, а Гай даже льстил себя надеждой на то, что его пациенты не то чтобы боготворят его, а скажем так, ставят его на пьедестал непрекаемого авторитета. А тут, как вдруг им выясняется, то это всё были его иллюзии, и пациент, как оказывается, не так однозначно смотрит на врачей, и у него с ним есть принципиальные расхождения во мнении на себя, на него, на болезнь, и главное, на его им себя лечение. И Гай решает пока что не признаваться, как минимум, Левше, что он тоже имеет некоторое отношение к медицине, в общем, он опять начал коллаборционировать.

– То со всей своей ответственностью тебе говорю, все они кровопийцы, – со страшным взглядом из себя заявил Левша, – и здесь, во всей этой, да и во всех других больницах, нет ни одного человека, у кого бы медики не попили их крови. И не только буквально. – Так многозначительно это сказал Левша, что Гаю совсем не сложно было догадаться, у кого в этом отделении, а может быть и во всей больнице, больше всего крови выпили врачи-кровопийцы.

– И вот спрашивается, зачем им нужна моя кровь, если моё заболевание не связано с физикой тела, когда меня

мучают психического рода недуги? Они что, хотят посредством кровопускания, так называемым понижением моего кровеносного давления в мозг, исследовать мою реакцию на внешнее вмешательство. Ну что ж, я их могу обрадовать, я психую. – Левша своим яростным взглядом погрозил кому-то невидимому, затем возвращается к Гаю и уже более миролюбивым тоном, но всё же с угрожающим посылом, делает совсем не понравившееся Гаю заявление. – Они, что думают, что участь оказаться на моём или на твоём месте, их обойдёт стороной. Да ничего подобного. И когда-нибудь, даже при моём нахождении здесь, один из них обязательно окажется на этой кровати, – Левша непонятно для Гая почему, указывает на его кровать (может интуитивно чувствует в нём врача), – и тогда... – Левша наклонился к Гаю и тихо добавил, – ему ничего не поможет.

И после таких откровений Левши, у Гая и вовсе всё желание быть искренним пропало, и даже если лечащий врач начнёт допытываться, где он его раньше видел, то пока он здесь, он ему ничего о своей настоящей жизни ничего не расскажет. – Знаю я, как выписка отсюда делается, – про себя убеждает себя Гай, – быстрее на перо Левше попадешь, чем моя карточка окажется в регистратуре. Надо к тому же все свои контакты с внешним миром ограничить, – решил Гай, вспоминая, куда он дел свой телефон. Но ему так и не вспомнилось, хотя голова через болевые импульсы намекала. – А то припрутся ко мне проведать, и Левша сразу обо всём до-

гадается.

И только Гай начал строить свою оборону, как Левша задаёт ему крайне опасный вопрос. – А кто тебя сюда направил? – спрашивает Левша, и Гай впадает в осадок, не зная, что на этот вопрос ответить. Ему кажется, что Левша не просто так задал ему этот вопрос, а он посредством него хочет раскрыть его истинное лицо, скрытого лазутчика со стороны медицинского персонала. В задачу которого входит выявление неблагонадёжного, прямо сказать, заговорщицкого типа лиц из числа пациентов, – а к ним, несомненно, относится Левша, – которые больше воду и мысли здравомыслящих больных мутят, чем лечатся и портят статистику.

А как только работающий под прикрытием больного, врач терапевтического отделения Гай, всё выяснит, – так вот почему его бросили в отделение интенсивной психологической терапии, чтобы не быть узванным своими коллегами, среди которых встречаются такие честолубцы, что им нет никакого дела до общих показателей больницы, и они обязательно выдадут своего коллегу на растерзание больных, – то Левше вся прежняя кровожадность его лечащего врача, какой уж месяц, теперь уже знающий по чьей вине, не получающий премии, покажется цветочками перед тем, что его ждёт.

И Гай идёт на хитрость, назвав Макария не по его имени, а по своему незнанию всех этих костоправов и живодёров по имени, – он же здесь не работает, чтобы знать всех по именам, – описав его в соответственных чёрных красках. – Так

это Макарий. – Догадался Левша. И, пожалуй, не будь Левша лицом вне подозрений насчёт симпатий к медицинскому персоналу, то у Гая могло бы закрасться сомнение в его благонадёжности. Однозначно Левша не столь непоколебим и беспощаден к своим идеологическим противникам, кем являются представители медицинского сообщества. И вполне возможно, что он даже замечен в связях, порочащих его – в той же процедурной, где кроме него и медсестры никого не остаётся. И кто знает, чем они там занимаются или займутся после того, как медсестра, голосом не терпящим возражений, отдаст Левше команду: «Снимайте немедленно ваши штаны!». А у Левши, быть может, ещё не окончательно потеряна его совесть и верность своим идеалам, и он хоть и взялся за свои штаны, но не снимает их так сразу, а пытается отсрочить своё падение.

– Прямо здесь? – взволнованным голосом интересуется Левша.

– Если вы хотите публичности, а сейчас все через одного такие, то можем это с вами сделать в коридоре. – Прямо издевается медицинская сестра, больше похожая на отъевшуюся попадю, – это значит, что поп не жмот и человек душевный, и не зажимает харчи (а этот её вид должен был служить алиби для Левши, мол, при такой конституции медсестры, разве можно меня заподозрить в чём-то ещё, кроме процедур – можно(!), притом, что процедура процедуре рознь), – начав в довесок ещё и ржать. А у неё, между прочим, в руках

шприц, и при таком её сотрясении воздуха и себя вместе с ним, это небезопасно.

Левша же, посмотрев на дверь, ведущую в коридор, не согласился с этим предложением медсестры. – Тогда на кушетку, милоч. К лесу передом, а ко мне задом, или наоборот? – сбилась с мысли и вследствие чего задумалась медсестра. А если уж медсестра в таком на счёт своих действий замешательстве, то, что уж говорить о Левше, который, конечно, не в первый раз подставляет свой зад под уколы, но может сейчас особенный случай и медсестре нужна его особенная часть тела, чтобы точно доставить лекарства до своей области применения. И Левша стоит в растерянности и ждёт, что на его счёт решит медсестра. А медсестра в свою очередь не понимает, чего это её пациент упорствует и не хочет делать то, что ему хорошими пока словами сказали. И она даёт ему последний шанс, спрашивая. – И чего мы ждём?

Ну а Левша до этого момента знал, чего он ждал, – её уточняющей команды, – то после этого её вопроса уже ничего хорошего от неё не ждёт. И от того он молчит и только в ответ глупо глазами вращает. Ну а медсестра вот как раз такие на себя взгляды терпеть не может, она прекрасно знает, что они значат, – я вас не понимаю, и не собираюсь вас понимать по причине вашей толстокожести, – и они её естественно больше чем нервируют – она тут же выходит из себя.

– Ах, вот значит, как ты на меня и на всё это смотришь! – закипает в ярости медсестра, и Левша даже не понимает, как

всё это с ним получилось – он взял, стянул с себя штаны и всех удивил тем, что брякнул: Не хотите к себе задом, тогда пусть будет по-вашему, передом.

Ну а то, как на всё это дело посмотрела медсестра-попадья, то этого эта история, выдуманная в центре по дискредитации сопротивления пациентов, ещё называемых центрами реабилитации, пока не применены все меры воздействия на Левшу, умалчивает, а сам Левша ни каким местом о ней слыхом не слыхивал. Его если и водили на уколы, что было крайне редко, то не в одиноком качестве, а в связанном по рукам и ногам, при обязательном сопровождении санитаров состояния. И здесь причина и следствие находятся не в той последовательности, как можно изначально предположить – его связали не для того чтобы он не оказывал сопротивление в деле поставки укола, а ему крайне понадобился успокаивающий укол, по причине того его буйного поведения, которое и привело его к такой связанности.

Между тем из последующих слов Левши для Гая начинается проясняться, почему Левша так добродушно отозвался о Макарии. Как со слов Левши выясняется Гаем, то Левша не так-то прост, как он на первый взгляд всем кажется, и он по дьявольски коварен по отношению к своему идеологическому противнику, людям в медицинских халатах. И он не ограничивается прямым упорным сопротивлением врачам, пытаясь их своими дерзкими и неоднозначными ответами спутать с мысли, и отрицать очевидное, – я доктор, как бы вы

мне доктор обратное не говорили и в качестве доказательств не тыкали мне в лицо мои плохие анализы и кардиограммы (я знаю, как обстоят у вас дела в регистратуре, одни манипуляции), буду утверждать, что я всецело здоров и только лишь немного ослаблен в силах, из-за того, что вы меня отсюда никуда не выпускаете, – а Левша ведёт свою многоходовочную игру с врачами.

Так отлично зная склонность врачебного персонала быть на острие своего профессионального значения, ещё в кругах простых и далёких от науки, а ближе к греховному, называемого честолюбием, где для него внутри и вокруг себя и авторитетов никаких нет, кроме разве что только себя, а для виду он, конечно, признаёт авторитет некоторых врачей, в своей сфере специализации признанных всем медицинским сообществом, и даже в своих разговорах на них ссылается (но не без своих сомнений), всю использует против врачей эту их слабость, которая по себе и не слабость, а необходимое для врача качество его самодисциплины. Ведь врачебное честолюбие подстёгивает врача к полной отдаче себя своему делу и пациенту. Что ещё в большей степени способствует его выздоровлению.

А не присутствуя в душе врача такого целеустремления, быть самым лучшим из лучших, то и его пациент при виде всей этой нейтральности к себе отношения со стороны своего лечащего врача (и это ещё нейтрально сказано), само собой решит, что дела его плохи, раз его врач не выказывает

никакого оптимизма при виде него и его болезни, и пустит на самотёк лечение своей болезни. Но как говорится, в любом деле не без своих крайностей и заскоков, которые ничего хорошего не несут бросившимся в эту крайность людям, и не важно с какой стороны белого халата они находятся (тем, кто находится внутри это бросание в крайность грозит не поощрением со стороны руководства, тогда тем, кто находится вне его, от этого крайне не легче).

— Для меня в этой, и ни в какой другой жизни авторитетов нет! — вот в таком твёрдом убеждении своей гениальности, смотрит на своих коллег на медицинском поприще, любой из новоиспечённых врачей. И для таких его мыслей есть весьма существенные аргументы — 6 лет медицинского института, пару лет ординатуры и главное, он устоял на ногах при виде трупов в морге, тогда как всех остальных стошнило, рядами покосило на пол и вынесло под ручки санитарное руководство.

При этом новоиспечённый врач, как человек достаточно умный, чтобы понять, что это его понимание себя с гениальной буквы, не то чтобы не будет принято на ура его коллегами по медицинскому цеху, а это его убеждение, вполне возможно, что вызовет у них свои сомнения с ехидными замечаниями (ясно, что из зависти), вслух обо всём этом не заявляет, а заводит околичные разговоры со ссылками на гениальных людей из медицинской сферы деятельности, чтобы подвести всех этих людей, своих коллег, дюже завистливых,

к пониманию своей бесспорной гениальности.

– Вот я думаю, – из глубины собой же пущенной струи сигаретного дыма, заводит свой разговор среди своих коллег по медицинскому цеху, уже даже не новоиспечённый доктор, а доктор со стажем своего непризнания, доктор Боткин. И у него, кажется, всё для своего признания есть, и знаково уважаемая среди докторов фамилия и громкие на всю клинику истории болезни его пациентов, а его всё равно до сих пор в этом качестве не замечают. Мол, и истории с его пациентами, не по медицинским аналогам громкие (они с криминальным подтекстом), и общего у него с великим предшественником только одно, человеческий организм. Пристрастно завистливы, одно слово.

– А так ли бесспорен авторитет мифического Гиппократ-а? – даже и не поймёшь, утверждает или вопрошает своё окружение в курилке доктор Боткин, взглядом обращаясь к своему идеологическому противнику и чуть ли не антагонисту, доктору Макарию, с кем у него сразу как-то не сложилось диалога, и у них были крайне противоположные взгляды, если не на всё, то на самое для доктора Боткина главное – на него самого. Ну а если твои фундаментальные основы подвергаются сомнению, то какая идти может речь о конструктивном сотрудничестве – одна только неприязнь и придиричивость друг к другу. И, конечно, доктор Макарий, видя перед собой, даже не доктора Боткина, а его переходящую все пределы дозволенности дерзость – посмел замахнуться

на святое для каждого врача имя, и не просто имя, а фундамент и опору мысли для каждого врача, – не может не подавиться дымом при виде такой кощунственности, прозвучавшей в этих святых для каждого врача стенах. А как только он с трудом прокашлялся, то тут же встаёт на защиту всех униженных и оскорблённых этими словами доктора Боткина людей.

– Сегодня у него Гиппократ вызывает сомнения в своей историчности, а это по другому и не трактуется (а по сути это значит, что он низвергает авторитеты), а завтра, когда и авторитетов уже не будет, то на кого спрашивается, он предложит равняться? – вот как понимает всё сказанное Боткиным Макарий.

– А что вас так не устраивает у Гиппократа, может быть клятва? – с глубоким намёком на небрежность к исполнению своих обязанностей, с подковыркой задаёт вопрос Макарий, чем перекашивает лицо Боткина в злобе на то, что табачный дым попал ему в глаз.

– Вы как всегда утрируете. – Парирует ответ Макария Боткин. Ну а Макарий идёт на хитрость и проявляет глухоту своего слуха, который на уровне своей слышимости Боткина, делает невероятно интересные и смешные выводы. – Ай, яй, яй, господин Боткин, зачем же так открыто высказывать ваши нетрадиционные взгляды на лечение, – назидательно качая головой, говорит Макарий, – И я, конечно, понимаю вас и ваши целеустремления найти лекарство от всех болезней,

ведь каждый врач, в том числе и я, всегда находится в поиске этой своей панацеи, но нельзя же быть столь близоруким, останавливаясь на том, что тебе больше всего ближе. — Макарий многозначительно, под смешки своих сторонников, то есть всех вокруг, уставился взглядом на ту близорукость рук Боткина, около которой находились в своей близости его руки и на которую Макарий так пространственно намекал.

— Хотя и в этом я вас понимаю, — с воодушевлением, которое придаёт раздувшийся от возмущения вид Боткина, продолжает Макарий, — все нынешние болезни в основном носят не природного свойства характер, а причиной их возникновения стала современная среда, с её направлением на отстранение человека от любого рода деятельности. А вот этот застой мысли и физики тела, и ведёт к облегчению рассудочной жизни человека, который и раньше ничего вокруг дальше себя не видел, — я мера всему и всё вокруг подчинено моему обустройству, — а сейчас, когда это всё воплотилось в реальное его обустройство, то он уже идейно обращается к себе за поисками ответов на любого рода вопросы, видя только в себе ответы.

И вполне наверняка, Боткин нашёл бы, что этому Макарию возразить, и это не была бы пустая отговорка: меня не так все поняли, — если бы в этот момент со стороны дверей ведущих в соседнее от курилки помещение, вдруг не донеслись знаковые звуки, которые всегда сопровождают действия людей заглянувших сюда не только покурить. А так как

связь между этими звуками и ведущимся разговором Макарием определённо прослеживалась, и можно даже сказать больше, Боткин не сомневался в том, что Макарий непременно всем этим воспользуется, чтобы его ещё больше принизить, то на этом разговор между ними заканчивается, и Боткин немедленно покидает своды этого помещения, но при этом обещает не забывать Макария и обязательно вернуться.

Так что зная в каких сложных отношениях пребывали между собой эти люди науки, а об этом всём, уж никто не знает откуда, знал Левша, не представляет большого труда сбивать мысль и накалять внутреннюю обстановку своего лечащего врача, доктора Боткина. Правда лечащим врачом Левши был не доктор Боткин, а доктор Белоглазов, но это мало что для Левши меняло – у него на каждого врача этой больницы был собран свой компромат, который он соответственно специфики этого учреждения называл историей болезни.

– И если в истории болезни пациента, пошагово, начиная со времени возникновения и описания симптомов, расписано течение его болезни, то в истории болезни доктора, – на этой мысли Левша памятно заглядывает в одну из ячеек своей памяти, где находится картотека с этими историями болезни. После чего он по памяти выбирает для себя наиболее знаковое на данный момент лицо доктора, и начинает вчитываться в его историю болезни. – Так вот, – многозначительно говорит Левша, переворачивая первую страницу этой

относительно других пухлой папки, – доктор Белоглазов. И в первую очередь возникает вопрос, почему этот доктор представляет для нас особый интерес? – задаётся риторическим вопросом Левша, для которого этот его вопрос не вопрос.

И он-то уж точно знает, почему ему так этот доктор Белоглазов интересен и почему его папка самая пухлая из всех. Да хотя бы потому, что он и есть лечащий врач Левши, и его к Левше интерес не мог не вызвать ответной реакции интереса у Левши. И если на первых порах такая заинтересованность к себе со стороны доктора Белоглазова вызывала симпатию со стороны Левши, на всё тех же порах занимавшего скорее настороженную позицию по отношению к медицинскому персоналу, чем другую, где в нём даже прослеживалась доверительность отношений к человеку в белом халате. То вот когда он услышал, и при том совершенно случайно, – когда он задержался в том самом, соседствующим с курилкой помещении, в одной из тамошних кабинок, – на кого опирается в своей работе и кто ходит в моральных авторитетах у его лечащего врача, доктора Белоглазова, то у Левши на всех одновременно врачей открылись свои было затуманенные признательностью глаза, и с этого момента в лице Левши на свет явился первый ненавистник и сопротивленец всей этой врачебной системы.

– Я, говорит Белоглазов, особо уважаю незабвенного Павлова Ивана Петровича. И благодаря его методике, я не одного пациента поставил на ноги и вывел в люди не припадоч-

ным, а человеком ответственным за свои неблагоприятные поступки. – Вот прямо так, без всякого сожаления своих излеченных этой страшной методикой пациентов, и осуждения себя со стороны своих коллег, как и должно быть, заявляет доктор Белоглазов. И Левша хоть и находится за стеной в другом помещении, он прямо перед собой видит его усмехающееся лицо. И теперь Левша заодно видит, как он был наивен в том, что во всём доверился своему врачу, который, как сейчас им выясняется, о нём и вовсе не думал и даже в упор не видел, видя перед собой только его рефлексию.

– И глаза у него не белые, а стальные до своей жестокосердности и беспощадности к любого рода неповиновению. – Кусая в исступлении свой кулак руки, начал темнеть мыслями Левша по отношению к своему лечащему врачу.

А там, в курилке, между тем не успокаиваются, и все эти представители врачебного сообщества продолжают свои на бытовом уровне дискуссии. И если бы Левша своими ушами не слышал, о чём они между собой говорят и что их на самом деле волнует, – да те же самые неурядицы, которыми занят самый обычный человек, – то он бы ни за что в это не поверил. Ведь он до этого времени смотрел на врача с позиции своей недостижимости его значимости, чуть ли не полубога – и это не плод разума больного, воспалённого жаром от повышенной температуры, а это что ни на есть реальность и истина, подкреплённая логикой мышления человека. Ведь недостижимость есть основная характеристика этих

обожествлённых человеком существ, и значит, врач, заслуженно или не заслуженно, что не столь важно, вполне мог видаться в таком полу божественном качестве больными, и не обязательно в тяжёлом состоянии.

А тут, как Левшой прямо сейчас выясняется, врачей волнует всё тоже самое, что и его, и они дискутируют не о возвышенных вещах и мировых проблемах, а им интересней потрепаться о том, как там сегодня выглядит новенькая докторша и как бы половчее затащить её в койку. Ну а от этих последних слов, которые себе позволил высказать вслух всё тот же доктор Боткин, у Левши прямо ум за разум зашёл. – Если уж врач не знает, как затащить человека в койку, то, что он тогда за врач такой?! – Левша прямо-таки потрясён тем, как мир врачей пал в его глазах и обесценился в своей малой грамотности. В размышлениях о чём, Левша и погрузился в свои тяжёлые думы о природе характера жизни врачей. О которых он, как оказывается, совсем ничего не знает, а всё то, что он о них раньше знал и думал, есть всего лишь продукт мифотворчества.

– Сдаётся мне, что и Гиппократы никакого не было, а его специально придумали, чтобы было на кого ссылаться, когда от новоиспечённого лекаря требовали обоснований его применяемого метода по излечению хандры у какого-нибудь важного господина. – Принялся размышлять Левша.

– А вот скажи-ка мне ты, сучий потрох, на каких таких основаниях, ты решил, что именно такой подход к моему забо-

леванию самый верный? – задастся вопросом великий стратег, первый гражданин, демократ и балагур Эллады, Герофил, лёжа в неглиже и жаре под опахалами, и не имея возможности поднять голову по причине силы тяжести, навалившейся на него хандры, вперемежку с принятым вчера от неё, паскуды, алкоголем. А вот Аристофан вчера обещал совсем другое средство излечения от этого подлого состояния не увлечённости своей и жизнью местных горожанок в туниках, в сторону которых, Герофил был такой большой ходок.

– Только Дионисий со своими плодами сумеет излечить твой недуг. – Так живо и уверенно заявляет этот Аристофан, что Герофил тут же убеждён им. После чего Аристофан достаёт уже приготовленный кувшин с живительной влагой и Герофил, опоенный Аристофаном, даже не замечает, как у того трясутся руки и он половину целебной жидкости в виде вина, льёт мимо предоставленной ему чаши для лечебной жидкости. А затем, после нескольких подходов к этой чаше, он уже за собой всё того же не замечает, и ещё того, как и когда это он оказался на месте Аристофана, где теперь уже сам пытается разогнать в нём его хандру, которая в отличие от его хандры была куда как цепче, и она склонила Аристофана к тому, что он повалился на пол и не мог, ни бэ, ни мэ, сказать. Хотя ещё пять минут назад порывался сорвать с себя одежду своей скромности и сделать камин-аут – рассказать всем, что он не уважаемый всеми гражданин свободного на волеизъявления государства, а самый последний са-

тир, который жизни своей не представляет без этих своих сатирических пьес. А вот при чём здесь пьесы и склонность Аристофана ко вне сценическому поведению сатира, то этого Герофил так и не уразумел. А когда утром он себя на половину уразумел и при этом в состоянии крайне не близком от своего разума, то ему сил хватило лишь на два слова: Воды и лекаря, падлы, ко мне (последние слова относятся не к свободным гражданам Эллады, и значит, не учитываются).

Так что когда перед добропорядочным, когда он не склонен прибегать к дарам Диониса, гражданином Герофилом, предстал выловленный на рынке представлявший себя лекарем от всех болезней, а от хандры, тьфу, за раз излечу, лекарь Аксплепад, то Герофил уже горьким и крайне болезненным для его головы опытом наученный, не сразу в петлю доверия полез, а для должного понимания лекарем того, что от него требуется и что с ним тут шуточки не будут шутить, призвав в наблюдатели самого верного своего раба Мавра (свободные граждане, так уж повелось, не могут чувствовать себя свободными, если кто-то рядом с ними не испытывает несвободу – а так он посмотрел на тяготы несвобод чуждых ему людей и тут же начинает переполняться свободными чувствами и гневными волеизъявлениями в сторону чужих несвобод), с огромным ножом на поясе для убедительности его незамедлительности действий, обратился к нему с этим первостепенной важности для обоих вопросом.

Ну а Аксплепад при виде такого обстоятельного подхода

к своему здоровью со стороны своего нового клиента, сразу же понял, что тут нужен особый подход, и простыми отсылками к простым историям болезней не обойдёшься. И только попробуй только сослаться на лёгкость бытия рыболова из Пелопоннеса, у которого и имени нет, после того, как он ему оказал лекарскую помощь, то тебя тут же, за раз уличат в оскорблении чувств свободного гражданина – меня(!) сравнить с рыболовом! – Нет, тут нужно что-то обязательно мифическое придумать, а иначе кто ему поверит. А как не поверят, то тут-то Мавр и сделает своё дело. Ну а чем всякий миф характеризуется, всё верно, своей несопоставимостью с реальностью, и чем больше далеки от реальности озвученные в мифах факты, то тем миф ближе к реальности. Вот такая сама в себе исходность, идиома, получается.

– Я, свободный гражданин Эллады, а не какой-нибудь там уличный самозванец, который лечит ради своей потехи и наживы. А я человек учёный и все мои методы лечения проверены временем и базируются на научных изысканиях самого Гиппократ. – Не моргнув и глазом, что говорит о крайней степени честности, высказался Аксепиад.

– Гиппократ? – задумчиво спросил себя Герофил. – Что-то знакомое. Кто таков, этот твой Гиппократ? – не найдя ответов у себя в голове, задаётся вопросом Герофил.

Ну а Аксепиад знает, что говорить этим людям, без сомнения смотрящих только в одну сторону, сторону Олимпа. – Да, люди нынче уже не те, что прежде, – с чувством глуп.

боко сожаления заговорил Акслепад, – нет в них прежнего благочестия, и они за своим собственным обожествлением, стали постепенно забывать богов. – И видимо Герофил ещё не до конца потерял связь со своим рассудком, и он, уловив, куда клонит лекарь, обрывает его на этом месте. – Ладно, на этом достаточно. Я уверовал в тебя. А теперь я слушаю, что ты мне предложишь для моего излечения. – Сказал Герофил и при этом так многозначительно посмотрел на Мавра, что у Акслепада всё желание лечить добрым словом улетучилось, а в голове только одни нехорошие слова остались.

– Я в своём подходе к излечению использую систему Эпикура. – Заговорил Акслепад и, судя по вытянувшемуся лицу Герофила, то вот с системой Эпикура он был знаком (скорей всего с основными её принципами).

– Я бы вам для начала рекомендовал принять освежающую ванну, а затем с помощью прогулки укрепить свой дух. – Сказал Акслепад. И Герофил ничего не имел против этого предложения Акслепада, если бы не одно но, его тело его не слушалось и под своей тяжестью не могло встать на ноги. И Акслепад не был бы врачом, если бы не мог предвидеть все те трудности, которые встают на пути выздоровления больного, и он, заметив сомнение в глазах Герофила, делает важное заявление. – А учитывая ваше состояние и имеющиеся у вас трудности на пути к этим оздоравливающим тело процедурам, то для восполнения сил в вашем организме, прописываю вам кружку живительной влаги из садов

Диониса. – И только было Герофил собрался возмутиться, что он как раз благодаря своему поклонению этому подлецу Дионису, оказался в таком неподъёмном положении, как Аксепиад предупредительно подкрепляет это своё решение получившим в последнее время известность правилом подобия. – Подобное подобным лечат. – Аксепиад этим своим заявлением срезает любые поползновения Герофила на возмущение.

– Нет, так лечить нельзя! – уже и непонятно к какому времени, и к какому лечащему врачу относились эти слова Левши, но они, тем не менее, были сказаны. А если учесть тот момент, когда они были им произнесены себе в нос – это случилось тогда, когда он из памятливых архивов достал историю болезни доктора Белоглазова (на папке было написано «История взлёта и падения доктора Белоглазова в моих глазах») – то не трудно догадаться, о ком шла речь.

И вот Левша, имея для себя столь крепкие основания относиться к врачебному персоналу предвзято и грубо, и начал вести против него свою подрывную деятельность, играя на их честолюбивых чувствах. И он, зная об имеющихся во врачебном стане разногласиях между отдельными знаковыми врачами, умело использовал это в своём противостоянии с ними.

Так в каждом медицинском сообществе имелись свои знаковые фигуры, и хотя они все вышли из одних институтов, они, тем не менее, придерживались своего отдельного меди-

цинского мировоззрения на свою профессию (а сколько врачей, столько и мнений на способы излечения болезни), и как следствие этого, эти знаковые фигуры медицины, становились приверженцами определённого подхода к лечению со своими принципами и методиками, которым они придерживались и продвигали в своей практике. И, конечно, тут не обходилось без своих спорных утверждений и противников.

Так что когда Левша за между делом, при разговоре о своём здоровье с доктором Белоглазовым, смел утверждать, а вот доктор Макарий иначе смотрит на пути выхода из того болезненного тупика, в котором он, Левша, оказался, следуя рекомендациям его, доктора Белоглазова, то Белоглазова прямо-таки на глазах Левши корёжило, а Левше вроде как становилось легче. И это можно сказать, тоже своя методика облегчения своего страдания. А то, что облегчение происходит за счёт других, то это всего лишь поверхностный взгляд на всё это, а если уж зреть в корень, то это всё есть результат взаимовыручки между людьми, по принципу сообщающихся сосудов.

Между тем Левша, верно догадавшись насчёт Макария, не стал развивать дальше мысль, а углубившись в собственные мысли, дал немного времени Гаю для собственных умозаключений. Когда же эта вдумчивая пауза проходит, Левша, видимо всё расставив по своим местам насчёт использования в будущем этой полученной от Гая информации, распрямляется в лице и с напускной или искренней, что пона-

чалу и не поймёшь, доброжелательностью обращается к Гаю.

– Но всё же есть свои исключения из правил, – говорит Левша, – врач-ординатор со звучным именем Сирена. Это мы её так между собой прозвали, а так её зовут Варвара, – Левша делает оговорку, – при звуке её голоса обо всём забываешь, и как тебя звали в том числе. – Левша теперь уже мечтательно уходит в себя. Так проходит где-то с минуту, а для Левши может и целая история трагической любви. Где всей команде корабля, на котором он плыл, залепили уши воском, а его вместе с Одиссеем привязали к мачте корабля, когда их корабль приблизился к острову сирен, чтобы они могли слышать голос сирен и остаться живыми. И лучше бы Левша не послушал свою гордость, а залепил вместе со всеми свои уши воском и спокойно жил как раньше. А теперь разве это жизнь, после того, что он там вместе с Одиссеем на острове слышал. И если физически они с Одиссеем выжили, которого он, кстати, после этого на дух не переносит, как и тот его, то душой они умерли, оставив навсегда себя там, на острове.

В общем, Левша возвращается из своего мысленного углубления уже не таким одухотворённым, а с некоторой претензией к этому пустому миру, и делает разворот на 180% от прежнего своего рассуждения. – Хотя с ней не всё так просто, – рассудительно заявляет Левша, – и вполне возможно, что врачебный персонал посредством её использования проверяет нас на чувствительность и на восприятие

окружающего мира. Живое, как известно, всегда тянется к красоте, и если в тебе ещё есть крупницы разума, а они отвечают в человеке за живое, то они обязательно среагируют на красоту и проявятся. – Эти слова Левши заставили задуматься Гая, как, впрочем, и самого Левшу, но только на совсем чуть-чуть. – А врачи тебя постараются поймать на этом. – Добавляет Левша, затем делает многозначительное лицо и говорит. – Но ничего, я тебе, если что помогу. Как возникнут сложности, то смотри на меня и я тебе подскажу, что нужно делать.

И тут Гай сам того не понимает, что на него нашло, – может от долгого вынужденного молчания у него возникла потребность словесно заявить о себе, – и он с долей строптивости в голосе, вопросительно возражает Левше. – А я что, своим умом не справлюсь. – Левша в ответ слегка отстраняется от Гая назад, откуда он изучающе на него смотрит и, улыбнувшись, делает свои выводы из увиденного в Гае. – Проявление крайней степени упёртости, со своим фанатичным уверованием во что-то исключительно своё, это то, что нужно, – сказал Левша, – а вот то, что ты в отстаивании своей правоты полагаешься только на себя, то это самая распространённая ошибка среди людей, симулирующих своё потерявшее равновесие состояние. В таком деле, как расстройство личности, должно иметь место... – но Левше не удаётся закончить своё предложение, а Гай не успевает возмутиться по поводу таких предположений на свой счёт со стороны

Левши: «С какой стати, он решил его записать в симулянты?!», – так как дверь в палату открывается и находящихся в палате пациентов в момент обдаёт свежестью открытий со стороны двери, а Левшу как ветром сдуло от койки Гая. Гай же только было повернулся в сторону двери, чтобы зафиксировать для себя того, кто там вошёл, как он уже замечен вошедшими – сбивающей со всякой мысли и дыхания девушки высшей совершенности и находящимся в её тени доктором с прямолинейным взглядом на него своих светлых глаз, которые прямиком направились к нему.

– Ну что ж, – остановившись рядом с койкой Гая и окинув его с этой близости, заговорил, как уже понял Гай, доктор Белоглазов, – надеюсь, что тут у нас не самый рядовой случай, с отсылкой на расслоение личности, где каждый себя мнит многослойной, со своими сложностями идентификации, личностью типа луковицы. А здесь действительно уникальный случай. – И Белоглазов так неоднозначно посмотрел исподлобья на Гая, что Гай почувствовал себя припёртым к стенке – этот взгляд Белоглазова прямо говорил, что он его насквозь видит, и предупреждает, чтобы он даже не думал перед ним хитрить и юлить, а если уж записался в люди, которым понадобилась врачебная помощь, то должен быть откровенно честен в своих ответах. И если доктору потребуется информация о его беспорядочных связях на стороне, то нечего даже думать возмущаться: «Это моё личное дело и никого не касается!», и задаваться вопросами: «На кой вам

всё это надо знать?», а нужно сразу же, без запинки и заминки на укрытие самых скверных фактов из своей биографии, рассказать о своей второй жизни небезупречного человека (может это нужно знать Варваре-Сирене, она ищет для себя достойного жениха, а ты, дурак, упираешься).

Но доктор Белоглазов одного не учёл – Гай не самый обычный пациент, а он и сам врач, и его на один, хоть и внушающий ужас и уважение взгляд, не проймёшь. И Гай всё также непоколебимо, без того трепета во взгляде, который невольно появляется в глазах больных своими болезнями пациентов, смотрит в ответ на доктора Белоглазова, который тут же подспудно ощутил, что с этим пациентом что-то не так и с ним ему, пожалуй, придётся повозиться. И только забравшийся на свою койку Левша, преисполнился воодушевлением, при виде того, как крепко отстаивает свои взгляды на себя новичок – не иначе у него крепко что-то в голове засело или свихнулось, раз он так держится.

Между тем, доктор Белоглазов, видя какую крепкую позицию занял Гай, предпринимает в его сторону явно провокационный шаг. Он берёт стоящий у койки стул и прямо-таки ведёт себя бесцеремонно и не по-джентльменски по отношению к сопровождающей его даме (ну и что, что она находится у него в подчинении) – он не предлагает ей на него присесть, а придвинув его ближе к голове Гая, сам на него садится. Да так уверенно и крепко, как будто делает вызов всей внутренней джентльменской конституции Гая. – Ну и что ты

на это всё скажешь? – так и читается во взгляде Белоглазове вот эта его принципиальная позиция на себя – вы все постойте, а я, несмотря на всю вашу красоту и на ваши прекрасные ноги, требующие к себе осторожного обращения, буду сидеть на своём заду и в ус не дуть. Тем более у меня усов нет, ха-ха.

И Гай сейчас бы, всё что он в один момент о нём и обо всех его чёртовых родственниках надумал, ему в лицо кулаком сказал, если бы на его месте был неопытный пациент, а так как Гай был посвящён в некоторые тайны медицинской профессии, где от первого знакомства в огромной степени зависит будущее лечение, и поэтому врачи, зная, как пациент подчас зажат и на счёт себя неоткровенен, для того чтобы расшевелить его, применяют различные психологические уловки и ухищрения. А это, несомненно, была психологическая уловка. А раз так, то это с хорошей стороны характеризует доктора Белоглазова, ну а Гай не ловится на эту его уловку. А Гай всё последнее несказанное, а красноречивыми намёками ему высказанное, пропускает мимо себя и даёт ответ на самые первые слова Белоглазова.

– Ну, человек, как минимум, природно двуличен. – Говорит Гай. – И это не та, всем известная лицемерная двуличность, а это природа, таким копировальным образом, обеспечивает запас прочности человеку. И если одна личность на протяжении своего жизненного пути, в ничто поистреплется, то как говорится, тут-то у человека и откроется вто-

рое дыхание, – а оно несомненно принадлежит второму человеческому я, – и это второе я, выйдя из тени первого я, вынесет то, что не донесло первое я. Ну а что насчёт луковицы, – размеренным тоном сказал Гай, бросив взгляд в сторону Сирены, – то её умение вызывать слёзы сочувствия, – а это, несомненно, ответная чувствительная реакция, – мне однозначно импонируют, и я не против так зваться.

– Да вы действительно уникальный случай, со своим философским подходом к проблематике существования своего я. – Самую малость, в пределах допустимости с иронизировал Белоглазов. – И скажите, эта ваша двуличность... нет, не так. А скажем так, неоднозначная личность... Кстати, а где я вас раньше мог видеть? – Белоглазов до сбивался до своего вопроса и его следствия, пристального всматривания в Гая и в свою память, где он пытался отыскать предположительные сходства.

И в другой раз Гай обрадовался бы такому вниманию к себе с докторской стороны, тем более, вслед за доктором со своим вниманием к нему присоединилась и стоящая за спиной доктора Сирена. А это не только тешит самолюбие, но и по-особому щекочет нервы. А если это всё окутать дымкой таинственности со своими секретами – Гай, как уже упоминалось не раз, под прикрытием самого обычного больного, выполняет сверхсекретную миссию по изобличению заговора медиков-ренегатов, решивших ради своих карьерных устремлений и лишние деньги никогда не будут лишними,

перейти на тёмную сторону, болезней, и они больше не лечат, а калечат, – то вообще, вся эта обстановка приобретает для Гая волнующее сердце значение.

Но сейчас за спиной Белоглазова находится не только Сирина, а там, не сводя своего взгляда с него, находится также Левша, а это призывает Гая к крайней осторожности. В общем, всё как в этих опасных миссиях, со всех сторон героя поджидает опасность, и если он хочет достичь своей цели, – а это, несомненно, девушка, а не как все почему-то вокруг представляют, лекарство от всех болезней и разгром подпольного синдиката врачей, на который и работает эта девушка, завлечённая в эти шпионские сети обманом: ей обещали вечную молодость, или бесплатную пластическую хирургию, – то он должен быть крайне осторожным.

– В учебниках по психологии, – с чувством превосходства заявляет в ответ Белоглазову Гай, – в разделе психологические типы. Разве не ясно.

– Пожалуй. – Согласился Белоглазов, задумавшись. – А что вы ищете? – вдруг неожиданно спрашивает Белоглазов Гая. А Гай и сообразить не может, что тот имеет в виду, и только в недоумении переспрашивает. – Ищите?

– Ну, да. – Уже со своей долей самоуверенности, как само собой, говорит Белоглазов. – Ведь это единственное, что волнует и всё время занимает все эти неоднозначные, многослойные личности. Природа на их и на ваш счёт ещё не определилась, вот и они, все эти личности, и разбираются

между собой, то есть ищут для себя значимые аргументы и обоснования того, кто из них наиболее достоин представлять собой эту человеческую оболочку.

– Вы сами за меня ответили. – С усмешкой сказал Гай. – Я ищу себя. – Добавил Гай, прямолинейно посмотрев на Сирену. Что не прошло мимо Белоглазова и он без намёка на намёк, прямиком реагирует на эти действия Гая. – Вы таким способом не только не найдёте себя, а только потеряете. – Говорит Белоглазов.

– А я, может быть, хочу обрести через потерю. Без чего, как мне думается, не бывает приобретений. – Вновь посмотрев на Белоглазова, сказал Гай.

– Это, знаете ли, здоровые мысли. – Понимающе улыбнулся в ответ Белоглазов.

– И как я понимаю, я на верном пути к своему выздоровлению. – Многозначительно сказал Гай.

– Возможно. – Со своей долей многозначительности проговорил Белоглазов. – Возможно, что вы, лишившись, – я надеюсь, что в физическом плане только на время, – стереотипного взгляда на окружающее, – заговорил Белоглазов, прямо указывая на перемотанный глаз Гая, – вместе с этим перестали мыслить стереотипами. А ваш моно взгляд, хоть и не обладает всеми теми разносторонними и широкоформатными преимуществами как при стерео взгляде, тем не менее, у него есть то, чего нельзя достичь, если смотреть на мир в оба глаза – только одним глазом можно точно прицелиться, и

как итог, добиться попадания в цель. И это не только в буквальном смысле. Умение концентрироваться на своей цели, всегда позволяют достичь своих результатов.

– Тогда только и остаётся, как наметить для себя цель. – Сказал Гай и, прищурив глаз, посмотрел на Сирену.

Глава 6

Утро для вечера другая сторона разума, или мудреее.

Совсем не трудно догадаться, даже если не особенно задумываешься в своей жизни, какая часть суток вызывает у проживающего свою жизнь человека наибольшее число вопросов. Это, в общем, как и должно быть, и к этому подводит логика – подытоживающая суточный отрезок времени, часть дня называемая вечером. Ну а так как вечер по своему определению числится завершающей частью суток, когда подводятся итоги прошедшему дню и заодно свои промежуточные итоги временной дистанции под названием жизнь, которая и делится на эти временные отрезки, чтобы человеку было легче ориентироваться в пространстве и находилось время для всего, – и не только поспать, но и подумать над тем, как он бесцельно растрчивает своё время жизни, – то он вместе с подведением всех этих итогов, всей своей физической и умственной качественностью даёт ответы на все касающиеся его вопросы. Из чего, из этих ответов, собственно и де-

лаются свои промежуточные выводы насчёт степени совершенства развития, в ту или другую сторону, этого индивидуума. Ну а эти все выводы, по большому счёту не блещут особой оригинальностью, и в большинстве случаев уже от классифицированы, по своим степеням развития: «Дурная голова ногам покоя не даёт», по времени приложения: «Юность легкомысленна, старость осторожна», и судьбоносно отлиты в афоризмах мудрецов: «Горбатого могила исправит», «Ему хоть кол на голове теши».

И хотя именно во время этой итоговой части суток рождается и возникает большая часть вопросов, задаётся ими человек в основном в другое время суток, а именно утром. Почему так происходит, то не трудно догадаться, – вроде с утра голова по свежее и на расстоянии, во временном отдалении всегда думается разумнее. Хотя, скорей всего, так происходит оттого, что человек до последнего откладывает вопрос взятия на себя ответственности. А любой ответ на первостепенной важности вопрос, уже в самом себе подразумевает ответственность за ответ на него (держать ответ и есть ответственность – уже один общий корень на это указывает).

Вот человек и откладывает на ближайшее потом, раз уж дальше откладывать нельзя, ответы на эти и на другие вопросы. Так что если вечер, эта та часть суток, когда рождается основная масса вопросов, то утро, это то самое время, когда задаются всеми этими возникшими вопросами, для начала пытаюсь понять, с какой стати и по чьему такому недоразуме-

нию, он оказался в таком вопросительном тупике (это риторический вопрос – ясно, что по твоему, но такая уж особенность у людей, не признавать на слово очевидное и как можно больше оттягивать это признание), а уж затем, когда уже и смысла нет отпираться, – судя по этой разбитной и разбитой в хлам роже, отражённо поглядывающей на тебя из зеркала, у тебя ещё есть порох в пороховницах, – ты, наконец, начинаешь задаваться столь волнующими тебя вопросами.

– И как всё это понимать? – спросил скорей всего самого себя, а не кого-то ещё, с трудом оторвавший голову от пола Владислав. И хотя людям, отрывающим свою голову из такого сонного, ближе к полу положения, как правило, не нужны ответы на эти их даже не вопросы, а всего лишь эмоциональные послы, – они ещё не достигли того качественного разумного состояния, которое способствует их пониманию окружающего, – всё же на этот раз Владислав не остался без ответного внимания, и не от кого-нибудь дальше постороннего, а от Друга. И Друг всегда сможет найти нужные слова и поддержать друга.

– А как хочешь, или в твоём случае будет вернее сказать, как можешь. – Заявляет Друг откуда-то сверху своих ног, чьи носки чуть ли не упрутся в лоб Владислава. Что, а что в точности не уточняется (вид выглядывающих через дырки пальцев, или другие качественные характеристики носков), мотивирует к подъёму Владислава дальше, и вот он уже не лежит, а сидит на полу и из этого своего нового положения

смотрит на Друга. Друг же, как и всякий друг, даже названный, не будет хмуриться на своего друга и поддержит его понимающей улыбкой и таким же словом. – Пока зрительно не прозрел, задавай всё, что у тебя накипело за ночь. – Сказал Друг. И Друг угадал, у Владислава действительно так много за эту без памятливую ночь накипело, что он не рванул прямо сейчас обваривать кипятком руки в туалет, а для начала решил выпустить словесный пар. Ну а когда выпускают пар, то не нужно ожидать от этого парового котла особой последовательности и разумности в его высказываниях.

– Да как же так? – глядя на свои разбитые и распухшие руки, Владислав опять спросил себя. После чего он поднимает руки и начинает осторожно приближать пальцы рук к своему лицу. А так как его лицо тоже находится в распухшем состоянии, с перебитыми нервными окончаниями, то Владислав не сразу может определить, в каких границах находится его лицо. Из-за чего его пальцы, к своей и Владислава неожиданности, не находят, а натыкаются на внешние контуры лица, и только после этого, как луноход на Луне, начинают постепенно, шажок за шажком, преодолевать этот бугристый, со своими кратерами, путь по этой новой для Владислава планете, называемой ещё вчера, головой Владислава.

– Вот те раз. – Делает для себя исторический вывод Владислав – он в первый раз на своём жизненном пути оказался в такой крайне жёсткой, травматической ситуации, вот в чём её историзм для него и состоит. Между тем, время для

эмоций закончилось, и Владислав, опустив руки, но не лицо, наконец, по существу задаёт вопрос. – А ты не перестарался?

– Если ты задаёшься этим вопросом, то нет. – Следует с долей иронии ответ Друга. На что Владислав мог бы привести достаточно убедительные контраргументы, но тут ему вспомнились уже причины, приведшие его в это состояние, и он в мрачности мыслей потемнел лицом и из глубины своей памяти спросил Друга. – Но как же она могла так поступить со мной?

– Если смогла, то значит, смогла, и это единственное, что тебе нужно знать о ней. Да и разве знание причин что-то изменит? – вопросом на вопрос ответил Друг. А Владислав, несмотря на все те аргументы, которая ему предъявила жизнь, оставив неживые напоминания на лице, ведёт себя строптиво и он не соглашается с Другом.

– Изменит! – крепко так, заявляет Владислав.

– Значит, у тебя ещё теплится надежда, если не сдаёшься. – Рассудил Друг.

– И не без оснований. – Говорит Владислав.

– И что это за основания такие? – заинтересованно спрашивает Друг.

– А хотя бы то, что мы, не сговариваясь, встретились с ней. – Искря в глазах, заявил Владислав. Но судя по стоящему на лице Друга хладнокровию, то этот аргумент Владислава несколько его не убедил в том, в чём его хотел убедить Владислава. А вот ответ Друга, как раз привёл к растерян-

ности Владислава.

– А ты в этом уверен? – спрашивает в ответ Друг.

– А что не так? – в непонимании переспрашивает Владислав.

– А то, что я отправил сообщение, с указанием времени и места, где ты её будешь ждать. Вот вы и встретились. – Друг своим сообщением прямо вогнал Владислава в ступор мыслей. И ему только и хватило, как воскликнуть: «Но!», – и на этом всё (он понял, каким образом Друг отправил сообщение Сирене – он ведь с его телефона ей звонил).

– Тогда может быть, я ещё чего-то важного не знаю? – после небольшой паузы спросил Владислав Друга.

– Это мне впору задаться этим вопросом. – Вдруг переменявшись в раздражённого человека, заявил Друг. – Но я им не задаюсь. А знаешь почему? – наклонившись к Владиславу, задался вопросом Друг. И Владиславу ничего другого не остаётся делать, как переспросить: Почему?

– А потому, что я тебе доверяю. И если ты сочтёшь нужным что-то мною неизвестное сообщить, то ты по моему разумению, обязательно сообщишь. Так ведь? – не сводя своего взгляда с Владислава, задался вопросом Друг. И тут Владислав вдруг счёл, что сейчас как раз настал тот самый нужный момент, и он рассказал Другу, в какую он сложную историю попал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.